

И 152 ф 183
440 324

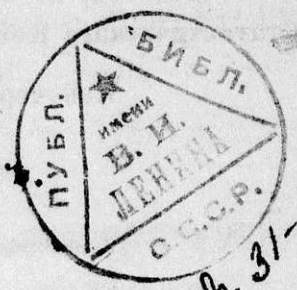
СБОРНИКЪ

801-14
678

ДОНСКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПЪСЕНЬ.

СОСТАВИЛЪ

А. Савельевъ.

Дв. 31-28669.

Издание Донского Войскового Статистического Комитета.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типография И. Бургель, Гороховая, № 50.

1866.

Печатается, по опредѣленію Донскаго Войсковаго
Статистическаго Комитета.

Новочеркасскъ, 3 Декабря, 1865 года.

2011138595

ПРЕДИСЛОВІЕ

При недостаткѣ сочиненій, знакомящихъ съ бытомъ донскаго казачества, намъ кажется, что изданіе предлагаемаго сборника не будетъ безполезнымъ. Въ этомъ сборникѣ я помѣщаю около 100 пѣсень, записанныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ донской земли, прибавивъ къ нимъ до 20-ти лучшихъ казачьихъ пѣсень изъ сборника Сахарова. Сюда вошли также поющіяся у насъ варьянты общихъ великорусскихъ пѣсень, такъ какъ во многихъ изъ нихъ указывается на особенности казачьяго быта.

Считаю долгомъ выразить мою искреннѣйшую признательность лицамъ, доставлявшимъ мнѣ пѣсни изъ разныхъ мѣстностей Донскаго края: Х. И. Попову, А. А. Зазерскому, Ѡ. К. Траилину; учителямъ приходскихъ училищъ: Сулину, Тетеревятникову, Наслѣдышеву, Степанникову и Тимощенкоу.

А. Савельевъ.

ДОНСКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

I.

Пѣсни историческія составляютъ безъ сомнѣнія, самый богатый и интересный отдѣлъ донскихъ народныхъ пѣсень. Извѣстно, что на Дону и теперь поются пѣсни объ Ермакѣ, Азовѣ, Сенькѣ Разинѣ, Булавинѣ, Некрасовѣ и друг. Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсень напечатаны въ сборникѣ Сахарова, но еще большая часть ихъ живетъ въ устахъ народа. А между тѣмъ всеокрушающее время идетъ впередъ и изглаживаетъ изъ народной памяти пѣсни о быломъ, о старинѣ, замѣняя ихъ современными модными романсами. Уже и теперь рѣдко попадаютъ между казаками знатоки старинныхъ пѣсень, отличающихся своимъ поэтиче-

скимъ содержаніемъ и звучнымъ выразительнымъ стихомъ; большею же частію молодое поколѣніе *дурачится*, по выраженію стариковъ, новомодными пѣснями. Не даромъ въ народѣ существуетъ убѣжденіе, что старинная пѣсня поется не ради игры-забавы, а какъ-бы въ назиданіе. Случалось мнѣ видѣть праздничныя гульбища казаковъ: молодой народъ подопьетъ, бѣснуется, горланить плясовыя пѣсни; вдругъ какой нибудь сѣдобородый дядя, расчувствовавшись воспоминаніями о быломъ, затянетъ заунывнымъ голосомъ.

«Пріуныло, пріумолко войско Донское,
Пріужаснулася армеюшка Царя Бѣлаго».

Мгновенно все смолкнетъ и слушаетъ съ напряженнымъ вниманіемъ поучительную старинную пѣсню, а женщины, еще и расхныкаются: Но годъ отъ году все меньше и меньше становится у насъ такихъ пѣвцовъ, нашихъ *рылешниковъ*. Можетъ быть, спустя еще одно поколѣніе, у насъ уже вовсе исчезнутъ старинныя пѣсни. Извѣстно, что народъ болѣе интересуется мотивомъ пѣсни, чѣмъ самымъ ея содержаніемъ; поэтому собирателю пѣсень по большей части приходится слышать только от-

рывки пѣсень, полныя-же пѣсни можно узнать только отъ старожиловъ, которые уже доживаютъ свой вѣкъ. Но кромѣ этого, мѣщанское образованіе, состоящее въ ношеніи моднаго платья, да въ пѣніи сладко-приторныхъ лакейскихъ романсовъ, начинается мало по малу втѣсняться и въ казачью жизнь. «*Желтый бѣсъ* ужъ на столъ взлѣзъ» говорятъ верховыя казачки о самоварѣ; а *патраманицы*, *голошвейницы* да *корзинницы* (*) жеманно распѣвають по станицамъ свои, лакейскаго издѣлія, романсы.

Казакъ народъ въ высшей степени пѣвучій. Свадебная-ли жизнь среди богатыхъ приволій, вѣчная и тревожная дѣятельность въ борьбѣ съ басурманами, а можетъ быть, и участіе всего народа въ интересахъ общественной жизни своей старины, были причиною развитія такой пѣвучести. Какъ-бы то нибыло, а казакъ почти при всякомъ случаѣ поетъ пѣсню; будетъ-ли то пѣсня о старинѣ, или о дороженькѣ не широкой, или просто одни звуки безъ смысла: *вздунай-паю-най*. Въ одной старинной казачьей

(*) Такъ называютъ въ верховыхъ станицахъ женщинъ, которыя мѣняютъ родной кубилекъ и кофакъ на модныя платья и прически.

пѣснѣ говорится о томъ, какъ казаки разгуливаютъ по Волгѣ-матушкѣ, въ изукрашенныхъ стружечкахъ:

«Они веслами гребутъ, сами пѣсенки поютъ;
Они хвалятъ, величаютъ православнаго Царя,
А бранятъ они, клянутъ воеводу,
Что, съ женою и съ дѣтьми и съ внучатами;
Заѣдаетъ воръ-собака наше жалованье,
Кормовое годовое наше денежное;
Да еще же не пускаетъ насъ по Волгѣ погулять;
Въ низъ по Волгѣ погулять, *вздунайнаго* воспѣвать».

Какъ видно, воспѣвать *вздунайнаго* казаки считали однимъ изъ признаковъ своей вольности, и воеводамъ не понутру были эти пѣсни, сложившіяся въ средѣ свободнаго народа и выставлющія на видъ ихъ злоупотребленія.

Не говоря уже о такихъ важныхъ событіяхъ Донской исторіи, какъ бунтъ Разина, Булавина, бѣгство Некрасова, о которыхъ сложились цѣлыя цыклы пѣсень; но и болѣе частыя случаи общественной и семейной жизни казаковъ иногда выражаются въ пѣснѣ. Такъ, однажды, на редутѣ, вслѣдствіе оплошности самыхъ казаковъ, перерѣзали всю казацкую команду; сейчасъ-же по горячимъ слѣдамъ сложилась пѣсня о приказномъ, Агуреевѣ сынѣ,

какъ онъ, оставшись одинъ въ живыхъ изъ своей команды, причитаетъ надъ своими *односумами*. Вызываютъ въ главное войско провинившагося въ чемъ-то полковника Араканцова, и такой частный случай послужилъ сюжетомъ пѣсни. Казакъ убилъ свою нелюбую жену, и убійство скрылъ отъ дѣтей, но правда вышла наружу и вотъ сложилась пѣсня о томъ, какъ «мужъ жену журилъ, бранилъ и убить грозилъ».

Кромѣ того, нельзя не замѣтить характерную особенность Донскихъ пѣсень, на которую указалъ еще Бѣлинскій. Это вѣрное представленіе историческихъ фактовъ. Такая особенность обуславливается конечно самою жизнью казаковъ. Какъ члены Всевеликаго войска, казаки, всегда принимали дѣятельное участіе во всѣхъ замѣчательныхъ историческихъ событіяхъ и многія историческія имена имъ были лично хорошо знакомы, а не понаслышкѣ только или преданію. Поэтому-то прошло около 200 лѣтъ, и досихъ поръ поютъ на Дону «о Царевѣ посланникѣ, Семенѣ Константиновичѣ Карамыше-вѣ,—о вѣрномъ служителѣ Государевомъ, Иванѣ Матвѣевичѣ Краснощекѣ,—объ измѣнщикѣ Игнатушкѣ Ивановичѣ Некрасовѣ,—о воеводѣ,

Князь Данилъ Александровичъ Репнинъ, и о другихъ.

Между Донскими пѣснями есть много своеобразныхъ варьянтовъ общихъ Великорусскихъ пѣсень. Очень часто добрый молодець у насъ преобразуется въ Донскаго казака и больше малолѣточка,—часто раки товъ кустъ—въ коня добраго, въ лошадь вѣрную,—родная сторонущка—въ славный тихій Донъ. Даже о Владимірѣ—красномъ солнышкѣ, о Добрынѣ Никитичѣ и Садко-купцѣ, у насъ поются такіе варьянты, которые мнѣ еще не приходилось встрѣчать въ извѣстныхъ сборникахъ пѣсень и которые указываютъ на отличительныя особенности казачьяго быта. Очень естественно, что въ казачьихъ станицахъ, лежащихъ въ сосѣдствѣ съ Великорусскими губерніями, мы встрѣчаемъ варьянты пѣсень, ближе подходящіе подъ общіе Великорусскіе, напримѣръ въ округахъ Хоперскомъ и отчасти Усть-медвѣдицкомъ. Здѣсь-то поютъ о Владимірѣ, Добрынѣ, Садко,—говорятъ чистымъ Великорусскимъ—Рязанскимъ говоромъ, носятъ Великорусскій сарафанъ и поршни. Станицы, лежащія по среднему теченію Дона, составляютъ, какъ говорятъ, *серцевину* истиннаго Донскаго качества. Удаленныя отъ

другихъ губерній, но въ сосѣдствѣ съ обширными Задонскими степями, эти станицы въ теченіи всего 18-го столѣтія подвергались почти непрерывнымъ набѣгамъ Кубанскихъ и Терскихъ Татаръ, что, безъ сомнѣнія, не мало способствовало образованію отличительныхъ особенностей въ жизни и характерѣ *серединцевъ*, какъ называютъ казаковъ этихъ станицъ. Вслѣдствіе такихъ то историческихъ обстоятельствъ, здѣсь сложилось множество пѣсень и преданій о Татарахъ, о Черкескомъ плѣнѣ, о разорѣніяхъ Татарскихъ. Господствующій здѣсь Рязанскій говоръ значительно испещренъ наплывомъ Татарскихъ словъ; самыя женскіе наряды: *кубилеки*, *бизилики*, *чуреки* свидѣтельствуютъ о значительной долѣ Татарскаго вліянія на домашній бытъ *серединцевъ*. Трудно обозначить опредѣленные границы между «верховыми», «серединцами» и «низовыми» казаками,—поэтому нельзя сказать положительно, съ какой станицы внизъ по теченію Дона начинаются низовые; но ихъ не трудно отличить по говору, въ которомъ Малороссійскія слова, подъ вліяніемъ мягкаго Рязанскаго говора, получили своеобразный характеръ, да и всѣ другія слова выговариваются здѣсь до

приторности—мягко. Женскія кубилеки и колпаки здѣсь встрѣчаются уже рѣже, замѣняясь платьями модныхъ покровевъ,—модные романсы, съ тощимъ сентиментальнымъ содержаніемъ, вытѣсняють все болѣе и болѣе безъ искусвенныя народныя пѣсни.

Такъ какъ казакъ прежде всего воинъ и военные походы, битвы съ непріателями, составляли главную цѣль его жизни, то воспоминанія объ этихъ походахъ и битвахъ заняли видное мѣсто въ Донскихъ пѣсняхъ. По пѣснямъ мы можемъ прослѣдить всю исторію казачей службы, ея характеръ и цѣль, отъ Ермака до настоящаго времени. Такъ еще въ отдаленную отъ насъ эпоху, казаки, не только Донскіе, но Гребенскіе и Яицкіе, группируясь около своего геніальнаго атамана Ермака Тимофеевича, собирались воединый кругъ и думали думушку единую....

«Какъ зима-то проходить все холодная,
Какъ и лѣто настаетъ, братцы, лѣто теплое,
Да пора ужъ намъ, братцы, во походъ идтить».

Въ чемъ состояли эти походы, на какую мѣстность направлены они были, на это отвѣчаетъ пѣсня такими словами:

«Какъ гуляли мы, братцы, по синю морю по Хвалынскому,
Разбивали мы, братцы, бусы, корабли,
Какъ и тѣ-то кораблики, братцы, не орленые».

Тоже самое говоритъ и другой воровской атаманъ, Степанъ Тимофеевичъ, обращаясь къ собравшейся около него голи Кабацкой, или голыдьбѣ:

«Судари мои, братцы, голь кабацкая!
Поѣдемъ мы, братцы, на сине море гулять,
Разобьемъ мы, братцы, басурмански корабли,
Возьмемъ мы, братцы, казны сколько надобно».

Хотя въ приведенныхъ пѣсняхъ говорится о походахъ и подвигахъ только «воровскихъ» казаковъ,—то есть не покорныхъ и не послушныхъ верховному правительству,—но въ ту эпоху служба и коренныхъ казаковъ по характеру своему ничѣмъ не отличалась отъ воровскихъ походовъ. Въ самомъ главномъ войскѣ, во Черкаскомъ городкѣ,—какъ говоритъ народная пѣсня, — казаки пьютъ, гуляютъ, сидятъ по бесѣдушкамъ; одна у нихъ дума и забота:

«Не поставили-бы они, (Азовцы), башеньки на усть
рѣчки Каланчи,
Не перекинули-бы цѣпи ярезъ славный, тихій Донъ!»

Ужъ нельзя намъ, братцы, будетъ во синеморе пройтить,
По синю морю гулять, зипуновъ-то доставать».

Къ этому-же періоду казачей жизни можно отнести пѣсню о Садко, богатомъ гостѣ; только въ нашемъ варьянтѣ этотъ Садко является не Новгородскимъ купцомъ, желающимъ своею несмѣтною казною закупить всѣ товары Новгородскіе, — не искуснымъ гусельникомъ, потѣшающимъ своею игрою Царя водяника, а просто горшечнымъ торговцемъ, который въ Царь-Градѣ, во глупомъ хмѣлю похваляется не только богатствомъ, но и тороватостію:

«Во славномъ во городѣ, во Царѣ-Градѣ,
Во Царѣ-Градѣ—во Царскомъ кабацѣ,
Пьетъ-то Садко, напивается,
Во глупомъ-то хмѣлю похваляется:
—Какъ нѣту Садка богаче его,
Богаче его—тороватѣй его;
Всю Россеюшку я повикуплю,
Чисто-на-чисто вѣничкомъ повымету!—
Да бѣда на Садка:—рядочки горшечные
Скоро жгутъ, да скорѣй того и дѣлаютъ;
Нагружаетъ Садко тридцать кораблей,
Тридцать кораблей—и одинъ корабль;
Пушался Садко въ Океанъ-море,
Въ святое озеро Яльинское.
Всѣ кораблики въ море поплыли,

Но Садковъ-то корабль на морѣ становится
Знать на камушку, знать на бѣлому.
Воскричитъ-то Садко громкимъ голосомъ:
«Вы, братцы мои, гости корабельшички,
«Ну вы рѣжьте жеребочки Кугинные,
«Пушайте ихъ въ сине море».
Ну, всѣ жеребы въ море поплыли,
Ну, Садковъ-то жеребъ—какъ ключъ ко дну.
Воскричитъ Садко громкимъ голосомъ:
«Вы друзья мои, гости корабельнички,
«Не бранилъ-ли изъ васъ кто отца—матери?
«И не клялся-ли изъ васъ кто родомъ-племенемъ?
«Ну, вы рѣжьте жеребы всѣ таволжаные,
«Вы пушайте ихъ въ Океанъ-море».
Ну всѣ жеребы въ море поплыли,
Ну Садковъ-то жеребъ—какъ ключъ ко дну».

Участь Садка, обреченнаго судьбою на гибель за его хвастливыя, безумныя рѣчи, — повторяется и съ другимъ добрымъ молодцомъ, съ лучшимъ въ полку Есаулышкою, котораго покинули казаки-друзи на пустынномъ островѣ:

«Закричалъ онъ, зашумѣлъ своимъ громкимъ голосомъ:
Вы, братцы мои, станичинички, мои однокашнички,
Не покиньте меня на чужой дальней сторонущкѣ,
Перевезите мою головушку на родимую сторонущку!»

Слѣдующая пѣсня рисуется намъ новую картину казачей жизни изъ этой отдаленной отъ

нась эпохи. По синему морю плыветь изукрашенное суденышко, на которомъ сидить самъ Турецкій Паша.

«Передъ нимъ-то стоитъ младъ Донской казакъ, невольничекъ,
Стоитъ-то онъ, молодець, какъ свѣча горить».

Турецкій Паша загадываетъ ему три загадки, обѣщаясь за разрѣшеніе ихъ отпустить его изъ неволи на славный тихій Донъ.

И такъ, гулянье на легкихъ стружечкахъ по синю морю Хвалынскому, или озеру Ялынскому, разбиванье бусовъ кораблей, торговля сношенія съ Царь-Градомъ, проживанье на островахъ легкими партіями и наконецъ суровый плѣнь Турецкій—вотъ какія факты представляютъ намъ казачьи пѣсни этого періода. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти-же пѣсни указываютъ на то, что во всѣхъ болѣе важныхъ предпріятіяхъ и походахъ, вмѣстѣ съ Донскими казаками, принимаютъ участіе Яицкіе, Гребенскіе и Запорожскіе. Какъ скоро нужно какой нибудь вопросъ разрѣшить съ общаго согласія, то собирается всегда войсковой кругъ, въ которомъ главное мѣсто по численности и какъ коренные жители, занимаютъ Донскіе казаки,

но тутъ-же дается мѣсто и право голоса Яицкимъ, Гребенскимъ и Запорожскимъ. Начиная съ пѣсень о завоеваніи Сибири Ермакомъ и, оканчивая Азовскимъ походомъ Петра, вездѣ выходцы съ Яика, съ Запорожья думаютъ въ войсковомъ кругу думушку единую съ Донскими казаками, какъ равноправные сограждане. Какъ видно, наши предки не были столько щекотливы относительно своихъ правъ на исключительное участіе въ дѣлахъ управленія и войны. Доступъ былъ открытъ для каждого, желающаго сказать свое слово въ кругу и принять участіе въ походѣ, также какъ и выходъ изъ казачества никому не возбранялся.

Мы видимъ, что походы и войны казаковъ этого времени были по преимуществу морскіе, направленные противъ сосѣднихъ непріятелей: Крымцевъ и Азовцевъ; сухопутные-же походы были очень рѣдки, да и то побольшей части пѣшіе. Въ казачьихъ пѣсняхъ, относящихся по содержанию своему къ 17-му столѣтію, мы еще не встрѣчаемъ упоминаній о конѣ,—лошади вѣрной, какъ постоянномъ товарищѣ казака во всѣхъ его походахъ. Въ несчастіи, въ горѣ или въ предсмертныя минуты, добрый молодець обращается съ рѣчью не къ коню вѣр-

Tatara
1904

ному, какъ своему товарищу, а либо къ зеленой дубровушкѣ, либо къ солнцу красному. Въ продолженіи 17-го и даже въ началѣ 18-го столѣтій казаки извѣстны были не какъ наѣзники, а болѣе какъ искусные моряки; очевидно самыя условія ихъ жизни развили въ нихъ ловкость и сноровку къ морскому дѣлу, умѣнье владѣть и весломъ, и кистенемъ и саблей вострою; поэтому-то до самаго конца 18-го столѣтія правительство очень часто назначало значительную часть казаковъ для флотской службы, и они считались искусными матросами.

Пѣсня объ атаманѣ Фролѣ Минаевичѣ изображаетъ переходную эпоху въ жизни казачества. Извѣстно, что когда при Петрѣ Великомъ, Азовъ былъ возвращенъ обратно Туркамъ, то для казаковъ, такимъ образомъ, закрылся выходъ въ море и негдѣ имъ стало *добывать зипуновъ*. Сильная-же крѣпость, построенная не далеко отъ Черкаска, сторожила надъ дѣйствіями ихъ и удерживала отъ своевольныхъ морскихъ поисковъ надъ бусурманами. Вслѣдствіе такихъ-то скрутныхъ обстоятельствъ, собираются воединый войсковой кругъ казаки Донскіе, Гребенскіе, Запорожскіе-хохлачи, около

своего любимаго атамана Флора Минаевича; } 14
положили они единой думушкой послать челобитье Царю съ Флоромъ Минаевичемъ о томъ, что нечѣмъ на Дону имъ кормиться

«Залегли пути дороги за сине море гулять,
А не стало намъ добычи на синемъ морѣ,
И на тихомъ Дону на Ивановичѣ».

Царь Петръ Алексѣевичъ мудро разрѣшилъ челобитье казаковъ и такъ отвѣтилъ на слезное моленіе Фрола Минаевича:

«У тебя, у атамана, есть казачій судъ,
Суди правдой по тому суду,
Живи съ казаками на Дону во миру».

Но не пришлось казакамъ *жить во миру*. Новыя историческія обстоятельства вызвали ихъ на новый театръ военныхъ дѣйствій, и какъ-бы помогли ихъ горю. Съ начала 18-го столѣтія являются новые, опасные сосѣди казаковъ — кубанскіе и терскіе — татары. Черезъ обширныя южныя степи, не защищаемыя и незаселенныя ни кѣмъ, то и дѣло быстро набѣгали огромныя орды татаръ; пограбятъ, пожгутъ, бывало, казачьи городки, заберутъ полонъ и, также быстро исчезнутъ въ степяхъ, какъ и явились. Противъ талихъ-то, незван-

ныхъ и не прошенныхъ гостей, появившихся почти внезапно передъ самыми жилищами казаковъ и также внезапно исчезавшихъ, нужно было дѣйствовать одинаковымъ-же способомъ, такими-же быстрыми набѣгами. Для казака понадобился и быстрый конь, и летучій арканъ и меткая пуля,—мѣстомъ его подвиговъ стала раздольная степь, вмѣсто прежняго синя-моря. Болѣе чѣмъ полтора столѣтій длилась эта борьба и, по необходимости, развила въ казакахъ искусное наѣздничество, ловкость, быстроту въ набѣгахъ и удивительную сметливость и изворотливость въ самыхъ трудныхъ стычкахъ. Конь сдѣлался для казака постояннымъ товарищемъ всѣхъ его подвиговъ, его другомъ и повѣреннымъ всѣхъ его тайнъ. Битвы съ Кубанцами, Терцами пришлось выдерживать почти исключительно одному донскому казачеству,—поэтому-то въ пѣсняхъ этого времени уже нѣтъ упоминаній о яицкихъ, гребенскихъ и запорожскихъ казакахъ.

Пѣсни, изображающія намъ этотъ періодъ казачей жизни, довольно многочисленны и считаются любимыми между казаками. Онѣ представляютъ намъ по большей части суровыя, грустныя картины этой полуторастолѣтней борь-

бы и кровавые случаи изъ тогдашней казачей жизни. Мотивъ ихъ въ высшей степени заунывный. И тѣни нѣтъ того молодецкаго веселья, казачьяго разгулу, какимъ отличаются нѣкоторыя пѣсни времени Разина! И дѣйствительно, здѣсь было не охочее гулянье по синю-мору, или Волгѣ-матушкѣ; а тяжелая, почти непрерывная война, вызванная необходимостію, чувствомъ самосохраненія. Дѣйствіе въ этихъ пѣсняхъ происходитъ по большей части «на Линіи — на Линеюшкѣ, между Кумъ рѣки, между Терекомъ, на проклятой Грузинской сторонюшкѣ»,—или просто «среди пути, среди дороженьки». Самая распространенная у насъ пѣсня, повторяющаяся во множествѣ варьянтовъ, изображаетъ намъ, что въ чистомъ полѣ, подъ кустикомъ, лежитъ младъ Донской казакъ, весь изрубленный, въ широкую грудь сквозь прострѣленный:

Передъ нимъ-то стоитъ его вѣрный конь,
Онъ копытомъ бьетъ во сыру землю,
Выбилъ яму по колѣно онъ;
Своего будить онъ хозяина:
«Ты встань, пробудись, добрый молодецъ,
«Ты хозяинъ мой, младъ Донской казакъ!
«Ты садись на меня—слугу вѣрнаго,

«Повесу я тебя да на тихій Донъ».

Какъ коню-то молодець рѣчь возговорилъ:

«Ужь-ты конь, ты мой конь, товарищъ вѣрный мой!

Не поднять ужъ тебѣ добра молодца.

Ты отбей, оторви шелковой чумбуръ,

И бѣги ты, мой конь, да на тихій Донъ,

Ты не стежкой, не дорожкой,

Ты тропинкою все звѣриною,

Куда травушка-ковылушка лежитъ,

Тамъ холодная креничинька бѣжитъ.

Злодѣй турчинъ не поймаешь тебя

И татаринъ не осѣдлаетъ тебя.

Прибѣги-же ты, конь, къ моему ко двору,

Копытомъ ударь у верейки;

Тогда выйдетъ къ тебѣ вдова старая,

Вдова старая, мать родная моя,

Станетъ тебя про сына спрашивать:

Не убилъ, не утопилъ-ли ты его,

Во чистомъ полѣ положилъ ты его?

Ты скажи: онъ жениться захотѣлъ,

Обнимаетъ поле чистое теперь».

Такое трогательное участіе коня въ судьбѣ своего хозяина выставляется во многихъ нашихъ пѣсняхъ. Въ вышеприведенной пѣснѣ, осиротѣлый «душа добрый конь» тропинкою звѣриною пробирается изъ дальней татарской сторонки на тихій Донъ, такъ, что и турчинъ не поймаешь его и татаринъ не осѣдлаетъ его. Здѣсь представляется не вымыселъ народной

фантазіи, а можетъ быть, опоэтизированный, дѣйствительный фактъ. Въ старину, какъ рассказываютъ, часто бывали такіе случаи: убьютъ, или возьмутъ въ плѣнъ казака, злые татары, а конь его, не пойманный врагомъ, пустынными степями, *по звездамъ*, пробирается на Донъ, прямо на дворъ своего хозяина, и тутъ-то начинаются надъ нимъ слезныя причитанья престарѣлой матери или молодой жены.

Если казакъ — безъ коня, то онъ, или въ плѣну, или въ большемъ несчастіи; не осѣдланъ конь, не занузданъ — значитъ или убитъ казакъ, или тяжело раненъ; худъ ли, унылъ конь — опять значитъ съ хозяиномъ случилось какое нибудь горе. Однажды по дорожкѣ, по которой прежде этого ни пѣшаго, ни коннаго слѣду не было, проходилъ казачій полкъ:

За полкомъ-то бѣжитъ душа добрый конь,

Череское сѣдличко на боку несетъ,

А тесмянное уздечко на ухѣ виситъ,

Шелковыя поводьяца ноги путають,

А за нимъ-то гонить младъ Донской казакъ,

Онъ кричитъ-то своему коню вѣрному:

«Ты постой, подожди, душа добрый конь,

Не покинь-ты меня, одинокова;

Безъ тебя не уйтить отъ чеченцевъ злыхъ».

Какъ во многомъ напоминаетъ намъ эта пѣсня, распространенное между казаками *гаданье по мѣсяцу*! Въ ясную лунную ночь выходитъ гадалщица на средину двора и заставляетъ мать-ли, не получающую уже давно никакихъ вѣстей о сынѣ или жену служиваго, съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣть на полную луну. И мерещится имъ, что проходитъ черезъ мѣсяцъ весь казачій полкъ, казакъ по казаку, всѣ радостны и всѣ веселы, а ихъ кровнаго все нѣтъ, да нѣтъ. Позади только всего полка, что называется, въ хвостѣ его, показывается ихъ желанный-пѣшій, усталый и черный, какъ *запуха*.

За рѣчушкою, за Кубанушкою, умираетъ отъ тяжелыхъ ранъ младъ донской казакъ, малолѣточекъ, но въ тяжелые предсмертные минуты у него одна дума, одна забота — коня своего спасти.

Чтобъ турчинъ не поймалъ-бы его,
И татаринъ не осѣдлалъ бы его.

Иногда конь для казака становится не только задушевнымъ другомъ, но и строгимъ менторомъ, блюстителемъ его нравственности. Казакъ холитъ и лелѣетъ «душечку добраго коня, свою утѣху и веселье во чистомъ полѣ» а все-

таки конь худъ и не веселъ и на распросы своего хозяина отвѣчаетъ такими горькими упреками за его безпутную жизнь :

Не тяжело на мнѣ сѣдельце Черкеское,
Не тяжель ты и самъ на мнѣ,
А тяжель-то мнѣ твой Царевъ кабакъ.
Какъ и часто ты зелена вина напиваешься,
Да садися на меня, на добра коня,
На обои боки мои ты выхляешься,
Мною, добрымъ конемъ выхваляешься,
Оттого-то я худъ и не весель стою!

Величайшее несчастіе для казака, когда конь его утомится, устанетъ во время похода. Хорошо еще, если между односумами отыщется родимый братецъ, который, по чувству родства, никогда не покинетъ его въ горѣ; въ противномъ случаѣ, отставшему отъ товарищей, одинокому среди пустынной степи, съ усталымъ конемъ, угрожаетъ суровый Татарскій плѣнъ:

«А изъ Крыму-ли, изъ Нагаю,
А ѣхали два брата родимые,
Подъ большимъ-то братомъ конь устаетъ,
А меньшій за большаго умираетъ:
«А и гой еси, мой братецъ родимый!
А я тебя, братецъ, по сверстнѣ,
Я пѣца ту дороженьку повыйду».

Въ нашихъ пѣсняхъ, послѣ родимой матуш-

ки, родной братецъ принимаетъ всегда искреннее участіе въ судьбѣ добраго молодца. Очень часто въ нихъ изображается родственная, братская любовь, доходящая до самоотверженія; братья дѣлятся и радостію, но больше того горемъ. Не даромъ молодець, обращаясь къ своимъ товарищамъ, — односумамъ, однокашникамъ, — всегда называетъ ихъ, *братцы мои, братцы*, словами, указывающими на духовное сродство по оружію, по жизни, и по чувствамъ. Родственныя, патриархальныя отношенія, какъ отличительная черта Русскаго народнаго быта, проявляются съ большею силою въ казачей жизни, гдѣ, среди постоянныхъ тревогъ и битвъ, чаще приходится доказывать ихъ на самомъ дѣлѣ. Извѣстно, что у насъ, на Дону, долгое время команды, отряды, полки формировались по станично, такъ что отецъ шелъ вмѣстѣ съ сыномъ, братъ съ братомъ, племянникъ съ дядей. Рассказываютъ-же, что въ ополченіи 1812 года, престарѣлый патриархъ — дѣдъ выступалъ въ походъ съ многочисленнымъ потомствомъ сыновей и внуковъ. Очень естественно, что въ битвахъ казаку приходилось отстаивать не только себя, но и близкаго родича. Такимъ образомъ, соединен-

ные крѣпкими узами родства, сплоченные въ одно цѣлое духовнымъ родствомъ по «Батюшкѣ тихому Дону Ивановичу», казаки оказывали чудеса храбрости, приводившія въ удивленіе людей, непонимающихъ этой внутренней связи между атаманами-молодцами, заставляющей ихъ дѣйствовать дружно, единодушно — братъ за брата, другъ за друга.

Пѣсни, выражающія родственныя братскія отношенія, отличаются особенною задушевностію. Братья раздѣляютъ вмѣстѣ труды и лишенія своей походной жизни. И ничто не можетъ быть горше участи добраго молодца, оставленнаго своими друзьями — братьями однокимъ въ степи, въ добычу хищнаго непріятеля. У добраго молодца нѣтъ роднаго братца, а друзья — пріатели, въ виду быстрой непріятельской погони, не берутъ молодца за крутыя бедра и не обращаютъ вниманія на его мольбы и просьбы. Умоляющій голосъ покинутаго казака звучитъ безнадежнымъ отчаяніемъ и безъ отзыву замираетъ въ степи.

«Да низехонько-то красное солнышко садится,
Подъ добрымъ-то молодцомъ конь становится.
— Какъ товарищи-то, мои братцы, выѣзжаютъ,
А меня-то добра молодца, покидаютъ;

Они гребень за гребень закрываются.
 На кургашекъ-то, братцы, я выходилъ;
 Я фуражечкой махалъ,—братцы не видѣли;
 И я голосомъ кричалъ,—братцы не слышали.
 Какъ при радости—друзей, братцы, много;
 А какъ при горѣ—братцы меня покидаютъ,
 При большой кручинушкѣ меня оставляютъ,
 А сами все, гребень—за гребень, заѣзжаютъ».

Покинутого казака ожидаетъ суровый Татарскій плѣнъ; а кому неизвѣстны живущіе еще и до сихъ поръ рассказы о злой участи, кровавой долѣ Татарскаго полоняника? Кому неизвѣстны народныя преданія о Цымлянскомъ, Романовскомъ, Кумшацкомъ раззореніяхъ, съ безконечными эпизодами о пребываніи въ плѣну того или другаго старожила—казака, а часто и дряхлой старухи. Я знавалъ одну столѣтнюю старуху, извѣстную подъ именемъ *Сибирчиха*, которая еще помнила раззореніе своей станицы Татарами и, часто, своимъ ломаннымъ языкомъ, съ помѣсью Татарскихъ словъ, любила рассказывать о двадцатилѣтнемъ своемъ плѣну у Татаръ. Много горя, лишеній, жестокихъ побоевъ вынесла Сибирчиха, но болѣе всего томила ее тоска по родинѣ, по родимой станицѣ. Взятая въ плѣнъ десятилѣтней дѣвочкой, Сибирчиха изъ своего род-

наго языка, въ теченіи 20-ти лѣтъ, сохранила въ памяти только названіе своей станицы. Поэтому-то слову, казаки, раззорявшіе Татарскій ауль, и узнали въ Сибирчихѣ русскую плѣнницу и казачку. Но, съ возвращеніемъ на родину, Сибирчиха начинаетъ грустить о своихъ дѣтяхъ, прижитыхъ ею отъ Татарина и оставшихся въ аулахъ. Чувство матери заговорило въ ней сильно, и часто, покачивая своею, какъ лунь сѣдою головою, съ невыразимою тоской посматривала она на южный горизонтъ безбрежныхъ Задонскихъ степей, причитывая: «дѣтки мои, дѣтки!»

Невеселыя картины представляютъ намъ пѣсни о плѣнѣ Донскаго казака, «невольничка» у Татаръ, или Черкесовъ. Въ одной изъ этихъ пѣсень дѣйствіе происходитъ «за славною за рѣчкою за Кумою,—подъ крутыми, подъ Бештовыми, подъ горами»:

На желтыхъ песочкахъ, на рассыпчатыхъ,
 Тамъ лежалъ бѣлъ—горючъ камень,
 На камушкѣ сидитъ младъ Донской казакъ,
 Въ рукахъ держитъ бѣлу грамату,
 Не перомъ писана, не чернильцами,
 Онъ писалъ письмо горючей слезой,
 Припечатывалъ крѣпкимъ разумомъ,
 Посылалъ письмо со скорымъ поеломъ,

Со скорымъ посломъ, сы буйнымъ вѣтромъ,
 На батюшку, славный тихій Донъ,
 Государю—родному батюшкѣ,
 Государынѣ—родной матушкѣ:
 «Не желѣйте золстой казны,
 «Выкупайте меня сы неволюшки,
 «Сы проклятой Грузинской сторонушки».

Не даромъ въ Донскихъ пѣсняхъ Грузія то и дѣло величается *проклятой сторонушкою, шельмою—Грузіей, злодѣюшкою* и другими не ласкательными эпитетами; не даромъ въ нашемъ народѣ сложилась поговорка «какъ пойдешь въ Грузію, тамъ и загрузишь», — и до сихъ поръ еще, за разныя проступки, одно изъ самыхъ тяжелыхъ наказаній для казака— нѣсколько перемѣнъ службы въ Грузіи. И дѣйствительно, не дешево стоила казакамъ «распроклятая Грузинская сторонушка»; много погубило Донской братіи въ ущельяхъ Кавказскихъ горъ отъ Черкесскихъ пуль, а еще больше легло костью на Грузинскихъ болотахъ, подъ вѣяніемъ зловреднаго воздуха. Извѣстно, какими порѣдѣвшими Донскіе полки возвращались изъ Грузіи и кто не помнитъ этихъ загорѣлыхъ до-черна бѣлошапошниковъ, отслужившихъ тяжелую Грузинскую службу и пріобрѣтшихъ неизлечимыя Грузинскія болѣзни,

отъ которыхъ одни за другими сламливались даже крѣпкія желѣзныя натуры. Считая наши потери въ Грузіи, мы должны брать во вниманіе не только погибшихъ на мѣстѣ, но и тѣхъ, которыхъ исподволь гнетущая грузинская лихорадка, преждевременно сводила въ могилу уже у домашняго очага. И подѣломъ, слѣдовательно, Донской казакъ проклиняетъ Грузинскую сторону:

«Ты, шельма, злодѣюшка, Грузинская сторона,
 Безъ вѣтру и безъ вихрю изсушила молодца,
 Присушила черныя кудерцы ко буйной головѣ,
 Вынула кровь румянецъ съ мого бѣлаго лица,
 Заставила добраго молодца пѣшимъ ходить,
 Заставила руки въ пазухѣ носить».

Справедливость такихъ проклятій краснорѣчивѣе всего подтверждается статистическими фактами. Такъ мы узнаемъ, что въ пятнадцатилѣтній періодъ казачей службы, съ 1822 г. по 1837 годъ, когда не было особенно опустошительныхъ войнъ и когда начались усиленные наряды нашихъ полковъ на Кавказъ и въ Грузію, число служилыхъ казаковъ, или— что все равно — возмужалой части казачьяго населенія, нисколько не увеличилось: какъ было въ 1822 году 58 т. — такъ осталось и

въ 1837 году. Потомъ, въ теченіи 20-ти лѣтъ, съ 1842 по 1862 годъ, число служилыхъ увеличилось только на 7 т. Куда же дѣвались тѣ, которые въ теченіи этого времени должны были, по естественному ходу приращенія народонаселенія, увеличить собою казачье сословіе? Неужели Турецкая, Венгерская и Крымская войны произвели такое опустошительное дѣйствіе въ служиломъ сословіи казаковъ? Нѣтъ, непріятель, дѣйствующій открыто въ открытомъ полѣ, безлюдить родные полки; а разбойничья рѣзня по ущельямъ, горамъ и засадамъ, длившаяся болѣе 60-ти лѣтъ и истреблявшая людъ не тысячами и сотнями, а въ одиночку или десятками, *улила* горы Кавказскія казачьею кровью. И какими раздирающими душу воплями слышатся намъ причитанья Донскаго казака надъ своими погибшими товарищами. Изъ всей команды уцѣлѣлъ только одинъ казакъ и, какъ осиротѣлый, похаживаетъ онъ между трупами своихъ братій:

Свои бѣлыя ручушки поламливаетъ,
Буйной головушкой покачиваетъ:
«Не бывать вамъ, ребятушки, на тихомъ Дону!
«Не видать ужъ вамъ, ребятушки, своихъ женъ и дѣтей!
«Не слышать вамъ, ребятушки, звону колокольнаго!»

На причитанья добраго молодца надъ своимъ погибшимъ братомъ, чтобы онъ проснулся, всталъ на его зовъ и осѣдлалъ-бы своего осиротѣвшаго коня, изъ-за могилы, гробовымъ голосомъ отвѣчаетъ уже полуистлѣвшій и проросшій травой прахъ давно убитаго казака:

«Не могу я встать, головы приподнять:
Потусмьло мое тѣло бѣлое
Черпѣ матушки—сырой земли;
Сквозь частыя мои ребрушки
Камышь—травушка проросла;
Сквозь ретивое мое сердечушко
Змѣя лютая проползла,
И буйные вѣтры черные мои кудерки
По чистому полю разнесли»....

Теперь, Донскіе полки дослуживаютъ послѣдній годъ Грузинской службы. И скоро, можетъ быть, замолкнутъ навсегда между казаками раздирающіе звуки слѣдующей пѣсни:

«Охъ, ты, служба наша, нужная,
Сторона Грузинская!
Надоѣла ты намъ, служба, надокучила;
Добрыхъ коной позамучила
Частыми походами, тяжелыми подъемами;
Положила ты, служба,
Много казачьихъ головушекъ;
Прослезила ты, служба,
Много отцевъ матерей;

Завдовила ты, служба,
 Молодыхъ молодухекъ;
 Позасиротила ты, служба,
 Малыхъ дѣточекъ»...

Пересматривая внимательно Донскія пѣсни, нельзя не замѣтить, что въ нихъ рѣзко обозначается еще третій и уже позднѣйшій періодъ казачей службы. Извѣстно, что съ введеніемъ въ дѣйствіе Войсковаго положенія 1835 г., многое измѣнилось въ общественной жизни казаковъ, а также въ ихъ военномъ устройствѣ. Казачьи полки получаютъ правильное устройство, является однообразіе въ оружіи и одеждѣ, введено построеніе полковъ по артикулу, выкидываніе шашкой по темпамъ; но что особенно важно,—такъ это учрежденіе образцоваго или учебнаго казачьяго полка, откуда, какъ изъ разсадника, распространялось знаніе военного дѣла между Донцами. Крутъ и тяжелъ былъ для казака этотъ переходъ отъ прежнихъ патриархальныхъ отношеній въ службѣ; къ строгому порядкѣ и военной дисциплинѣ. Бородатые витязи 12-го года, въ своихъ *нанковыхъ халатахъ*, подпоясанные веревками, на еловыхъ стремянахъ, наводившіе паническій страхъ на Французовъ, сошли со сцены

и живутъ только въ преданіяхъ; мѣсто ихъ заступили синіе ряды, выгнанные въ струнку, съ высокими красно-верхими киверами. «Урядники на *линію*!» гремитъ команда; а простодушные станишники боязливо вздрагиваютъ, они не знаютъ никакой другой линіи, кромѣ «*Линіи, Линеюшки, проклятой сторонушки*!» Но какъ часто бываетъ, что изъ одной крайности впадаютъ въ другую, въ противоположную ей, тоже случилось и съ казачьей службою. Въ былыя времена, какъ извѣстно, военная выправка въ образцовомъ полку доходила до мелочнаго педантизма. Фрунтовая стоянка, тихій шагъ въ 3 пріема, выкидываніе шашкой по темпамъ—считались верхомъ и цѣлью обученія военному дѣлу.

Въ такія-то тяжелые времена сложилась *модная* пѣсня «учебныхъ казаковъ» и, не смотря на то, что она смахиваетъ на шуточный тонъ мѣщанскихъ романсовъ, содержаніе ея дышетъ правдивостью:

«По утру надо вставать,
 На ученье выходить,
 Чубы на бокъ заводить.
 Намъ ученье ничего,
 Между прочимъ тяжело:

Стой прямо, гляди браво,
Шашкой дѣлай хорошо!
Какъ приходимъ по утру,
Держать розокъ по пуку».

Въ другой пѣснѣ, чисто народной и по тону, и по языку, добрый молодецъ жалуется на свое кабацкое гулянье, которое довело его до конца. Записали молодца безъ очереди на службу—

А на службицѣ послѣднее житье:
По немногу намъ тамъ жалованья даютъ:
По три денежки у сutchки,
По пяти плетей у *спинушку* кладутъ....

По неволѣ пришлось вспомнить доброе — старое время, когда казаки не знали никакихъ учебныхъ шаговъ, никакихъ мучительныхъ трех-приемныхъ маршей съ ихъ неизбѣжными атрибутами: толчками, пеньками и розгами для ни въ чемъ не виноватой казацкой спины. Теперь, вышеприведенныя пѣсни — анахронизмъ, и скоро, можетъ быть, непривлекательные факты, помѣченные этими пѣснями, изгладятся изъ народной памяти, благодаря наступившему гуманному порядку. Но лѣтъ 15 тому назадъ, эти пѣсни были еще блѣднымъ отраженіемъ дѣйствительности. Поэтому-то, въ пѣснѣ о

смерти Александра Благословеннаго, «Донской казакъ — малолѣточекъ, стоя безсмѣнно трое сutchекъ на часахъ у гроба Благовѣрнаго Царя», такъ слезно причитываетъ надъ Государевымъ тѣломъ:

На часахъ-то стоитъ младъ-Донской казакъ,
И стоитъ-то онъ, не смѣняется,
На восходъ солнца Богу молится:
«Ты встань, ты встань, Православный Царь, Алек-
сандра Павловичъ!

Погляди—ты на свои войска, Донскія!
Во строю стоятъ, обучаются;
На нихъ плащаница—ровно жаръ горятъ,
На нихъ шапочки—ровно маковъ цвѣтъ.
Безъ-тебя-то, Царь, служба схужила:
Познобили насъ зимой холодною,
Поморила насъ смертью голодною»....

Казаки всегда, и во всѣхъ случаяхъ, остаются вѣрными сынами тихаго Дона: тоже мы замѣчаемъ и въ ихъ пѣсняхъ. Помимо того, что многіе казачьи пѣсни начинаются обращеніемъ къ кормильцу — Дону, величаніемъ его разными ласкательными эпитетами, въ походѣ-ли казакъ, въ плѣну-ли, или въ предсмертныя минуты, вездѣ и всегда, прежде всего вспоминаетъ онъ родимый Донъ-Ивановичъ, а потомъ ужъ отца съ матерью, молодую жену. Въ

пѣснѣ о нашествіи Наполеона на Россію, *Александра Царь*, какъ лучшую награду для Донцовъ за ихъ молодецкіе подвиги, обѣщаетъ возвращеніе на родину:

«Закричитъ-то, возгласитъ Александра Царь своимъ
громкимъ голосомъ:

—Постарайтесь, мои дѣточки, казаки военные!
Какъ и буду я васъ жаловать много кавалерами,
Отпущу васъ, мои дѣточки, на славный тихій Донъ!

И дѣйствительно, нигдѣ, можетъ быть, въ другой какойнибудь мѣстности Россіи, не развито такъ сильно чувство мѣстнаго патріотизма, любви до обожанія своей родимой сторонки, какъ между Донцами. Разумѣется, причины этому явленію коренятся въ историческихъ судьбахъ Донскаго казачества, въ особенностяхъ его быта и управленія. «Глупа та птица, которой гнѣздо свое не мило», — говорятъ мудрая пословица, — а казачье гнѣздо куплено дорогою цѣною крови; съ нимъ связано много историческихъ воспоминаній; каждая пядь казачьей земли завоевана съ бою; каждая казачья фамилія насчитываетъ многихъ изъ своихъ членовъ, отмежевавшихъ своими костями Донскія земли отъ Татарщины. Да кромѣ того, Долецъ у себя, дома, полноправ-

ный гражданинъ, вольный казакъ; гдѣ-бы онъ не побывалъ, въ Польшѣ-ли, Бессарабіи, или Финляндіи, — все таки скажетъ «У насъ-то, на Дону, не повашему: не ткуть, не прядутъ — хорошо *ходятъ*». Напрасно наши прогрессисты возстаютъ противъ этого мѣстнаго патріотизма, называя его и узкимъ и кваснымъ патріотизмомъ, который будто-бы развитъ въ Донцахъ въ ущербъ чувства любви къ общей нашей родинѣ, Россіи, и который заставляетъ ихъ враждебно относиться ко всему не Донскому. Думать такъ — значить вовсе не знать нашего народа, не понимать основныхъ особенностей его характера, пугать себя и другихъ призраками воображаемаго разъединенія. По нашему-же мнѣнію, безъ мѣстнаго патріотизма и немислимъ патріотизмъ общій; одно служитъ какъ-бы основаніемъ другому. Въ человѣкѣ, которому нелюбо мѣсто его рожденія, дѣтства. трудно найти искреннее патріотическое чувство; космополитъ въ одномъ случаѣ всегда и вездѣ останется космополитомъ. Та страна, которая дорожитъ *своими учрежденіями*, своей старинной, своими преданіями, всегда станетъ первою въ виду угрожающей опасности. Обращаясь къ пѣснямъ, мы, почти на каждомъ шагу,

встрѣчаемъ указанія на тѣсную, родственную связь всевеликаго войска Донскаго съ Россійскою землеюшкою. Если прослѣдимъ Исторію Донскаго казачества, то замѣтимъ, что даже въ эпохи самыя смутныя, во времена общихъ волненій, никогда казаки не обнаруживали желанія разорвать всякую связь съ своимъ общимъ отечествомъ. Напротивъ, даже голыдьба, грабившая по Волгѣ Русскіе корабли и суда, всегда признаетъ надъ собою верховную власть Царя Бѣлаго. «Мы не воры, не разбойники», говорили товарищи Сеньки Разина, «а удалые добрые-молодцы». «Мы сражаемся за Великаго Государя», говорилъ Разинъ къ Царскимъ стрѣльцамъ, «а вы за бояръ и измѣнниковъ». Кондратій Булавинъ придалъ своему возстанію характеръ религіознаго дѣла, приглашая своими *прелестными* письмами голодранную чернь, «не давать спуску боярамъ, Князьямъ и нѣмцамъ-прибыльщикамъ ради того, что они вводятъ всѣхъ въ Еллинскую вѣру (*). Въ грамотѣ-же къ Царю, Булавинъ обнаруживаетъ полную покорность Царской волѣ. Въ позднѣйшій періодъ исторіи Донскаго

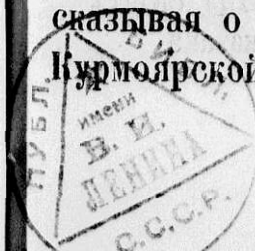
(*) Разказы изъ русской исторіи Соловьева.

казачества можно указать на множество фактовъ, которые краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о глубокомъ, патріотическомъ чувствѣ Донцовъ. На такія-же факты указываютъ намъ и наши народныя пѣсни. Самый распространенный, повторяющійся во множествѣ варьяцій, мотивъ этихъ пѣсень есть тотъ, что:

Умиралъ, помиралъ младъ Донской-казакъ,
Среди степи, во темной ночи,
Все за батюшку, Царя Бѣлаго.

II.

Донскія семейныя пѣсни могутъ указать намъ, какъ сложился казачій семейный бытъ и подъ какимъ вліяніемъ выработались его особенности. Изъ исторіи извѣстно, что казачья семья, въ настоящемъ ея смыслѣ, явленіе уже позднѣйшее, — что даже до самаго конца 18-го столѣтія; такъ какъ по многимъ казачьимъ городкамъ небыло церквей, то—и небыло брака, освященнаго церковью, а было простое сожительство. Е. Котельниковъ, рассказывая о семейной жизни казаковъ Верхне-Курмоярской станицы, упоминаетъ, что даже

въ его время, — т. е. въ началѣ настоящаго столѣтія, — старожилы еще помнили появленіе первыхъ женщинъ въ станицѣ. Самыя условія жизни казаковъ не способствовали развитію семейственности. Обычай жить по 10-ти или 20-ти человекъ въ одномъ куренѣ, съ общимъ хозяйствомъ, *въ одной сумѣ, и одной кашѣ*, — по выраженію того времени, мало допускалъ возможности каждому изъ однокашниковъ завестись своей семьей, своимъ хозяйствомъ. Казака, — какъ говоритъ народная пѣсня, — «воспитала и возлелѣяла не семья, не мать, а кормилецъ Донъ-Ивановичъ, да чужа дальня сторона».

Молодая вдова
 Да два сына родила:
 Иванушку и Василья;
 Въ китаичку повила,
 Да на тихій Донъ снесла.
 «Ой батюшка, ты тихій Донъ,
 «Принимай моихъ сыновъ!
 «Девять лѣтъ я по воду не шла,
 «На десятомъ лишь пошла;
 «Стала вдова воду брать,
 «Сталъ кораблькѣкъ подплывать;
 «А во томъ кораблѣ два братца сидятъ,
 «Два родимые, два Донскіе казака.
 «Большій сидитъ на носу,

«А меньшій сидитъ на кормѣ,
 «И они промежъ собой говорятъ:
 —Удовушка, удова!
 Да два сына родила
 Иванушку, Василья;
 И сумѣла породить,
 Не сумѣла воскормить,
 Богъ насъ воскормилъ,
 Возлелѣяла чужая сторона.

Разумѣется, полоненныя, или выселившіяся изъ сосѣднихъ губерній на Донъ, женщины, были и первыми казачками. Пѣсни, изображающія старинный казачій бытъ, представляютъ намъ факты: какъ во время дѣлежа добычи, *задували* одного молодца тѣмъ, что на пай ему пала красна дѣвица, — или какъ молодой охотничикъ, охотясь за сѣрою ланью, добылъ себѣ въ жены Турчанку молодую, — или какъ Донской казакъ *манетъ* шинкарочку изъ Польши на тихій Донъ. Такимъ-то путемъ и чужеземный элементъ входилъ въ формированіе казачьей семьи, но подчинялся сильнѣйшему по своей численности элементу — Велико-россійскому. Много было писано уже о чужеземномъ, и по преимуществу Татарскомъ вліяніи на казачій бытъ, но еще не указано положительно, какъ сильно было это вліяніе и на

какую сторону быта оно преимущественно дѣйствовало. Для рѣшенія такого вопроса, мы думаемъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на Донскія областныя слова. Изъ 200 мѣстныхъ словъ, извѣстныхъ мнѣ, я нашелъ только—40 Татарскихъ, Персидскихъ и Турецкихъ, 30 Малороссійскихъ, а остальные 130 чисто своеобразныя, позаимствованныя. Татарскія слова служатъ для обозначенія по большей части предметовъ женской одежды, пищи или другихъ вещей. Изъ этого видно, что Татарское или вообще Азіатское вліяніе небыло такъ сильно, какъ думаютъ, и оно касалось только внѣшней стороны казачьяго семейнаго быта. Одѣваясь въ *кубилеки, бизилики, чуреки*,—кушшая *пиловъ, дулму, каймакъ*,—наши казаки въ свои семейныя отношенія почти ничего не внесли отличительнаго отъ Великорусской, или Малорусской семьи. Отношеніе между членами семьи сформировались чисто Русскія, и наши Татарки и Турчанки, на разные тоны затянули про шелковую плетку,—про грознаго свекора батюшку,—про свекровь криво-шлыку, не привѣтливую,—про заловокъ-колотовокъ, и т. д.; однимъ словомъ, казачья семья представляла собою

явленія, знакомыя всякому, знающему быть Русскаго простонародья.

Уже довольно писано о рабскомъ положеніи женщины въ Русской семьѣ, о деспотизмѣ мужа и свекора, о безотвѣтной горькой долѣ невѣстки. Тоже самое можно было-бы подтвердить десятками Донскихъ пѣсень, и всѣ эти сужденія примѣнить и къ казачей семьѣ. На Дону, какъ и въ Великороссіи, поются эти заунывныя пѣсни про шелковую плетку въ рукахъ ревниваго мужа, про побой свекора, про навѣты заловокъ; также во всей силѣ господствуютъ и на Дону эти обрядовыя свадебныя голошенья надъ дѣвичей волей, надъ русой косою, и т. п. Но, по нашему убѣжденію, въ большей части случаевъ всѣ эти заунывныя пѣсни, голошенья, причитанья на Дону бываютъ пустою формою, безъ смыслу, обрядомъ, который перешелъ изъ старины и держится теперь еще по преданію, въ полной силѣ. Кому не извѣстно, что и теперь въ просто-народномъ быту жена считаетъ своею обязанностію голосить и причитывать при разставаніи съ мужемъ, или въ случаѣ его смерти. А наши плакальщицы, у которыхъ на всякій случай готовы слезы и риторическия эпическія причитанья, не выполня-

юль-ли вѣрно и точно разъ установившійся обрядъ? Приходилось мнѣ видѣть такія свадьбы: Здоровенная, лѣтъ въ 25-ти, казачка выходитъ замужъ за худенькаго, щедушнаго малолѣтка и разливается въ слезахъ о своей волюшкѣ, о грозномъ мужѣ, господинѣ своей участи, тогда какъ этотъ грозной господинъ свалится отъ порядочнаго толчка своей угнетенной жертвы. Или такъ бываетъ: выходитъ замужъ казачка по сердечному влеченію, за богатаго, красиваго и ласковаго мужа, — положеніе ея будетъ совершенно не зависимо, и гораздо лучше, чѣмъ у себя дома но и тутъ голошенья, слезы, причитанья.

Особенности казачьяго быта не могли не повліять на положеніе женщины въ казачьей семьѣ. Грозный мужъ, да и то иногда только по пѣснямъ, отвлекаемый часто отъ дома войною, службой, по необходимости представлялъ больше свободы и самостоятельности своей женѣ *куковницъ*, и своей вѣрной слугѣ. При такой свободѣ въ отсутствіе мужа, есть возможность вырваться на волю изъ душевной семейной атмосферы и энергической натурѣ пожить на распашку; въ это время казачка пріобрѣтаетъ много опытности и практичности въ хозяйственныхъ дѣ-

лахъ, а та же и женскаго умѣнья тонко и хитро провести и одурачить тугаго на сметку сожителя. Въ народныхъ пѣсняхъ такъ поется про разставаніе мужа съ женою, про строгіе наказы мужа, и смѣлые до дерзости отвѣты жены:

Отъѣзжалъ-то милой, да наказывалъ:
«По смиренѣй ты живи, моя любушка,
Моя сизенькая ты голубушка!»
Я приказу твоему, милой, слушалась, —
Со инымъ, со малымъ я повадилась.

Вслѣдствіе такихъ-то обстоятельствъ, между казачками много можно встрѣтить натуръ *шреливыхъ*, по удачному выраженію народныхъ пѣсень-энергическихъ, смѣлыхъ, которыя постоятъ за себя, не дадутся въ обиду и отмстятъ если не силою, то хитростью. Натуры-же кроткія, слезливыя, эти безотвѣтныя жертвы тяжелаго семейнаго быта, и не стараются выбиться изъ своего положенія; про нихъ-то и сложены эти риемеванныя голошенья, или иначе семейныя и свадебныя пѣсни. Но на ряду съ заунывными пѣснями о горькой участи жены, у насъ поются цѣлыя сотни разгульныхъ, буйныхъ до неистовства, плясовыхъ пѣсень о томъ, какъ жена обманула, одурачила мужа или свекровь. Вотъ эти-то пѣсни съ пляской

и свистомъ, съ гопакомъ и трепакомъ, и выразили собою *иреливыхъ* женъ съ ожесточенною местию ко всѣмъ нравственнымъ оковамъ въ семейной средѣ.

Въ семейной жизни казаковъ женщина пользуется гораздо большимъ значеніемъ, чѣмъ въ Великорусской семьѣ. Въ старинныхъ пѣсняхъ есть много указаній на то, что женщины-казачки принимали гораздо большее участіе и въ интересахъ внѣ-семейныхъ, чѣмъ Велико-русская женщина. Однажды, воевода распрощивался на казаковъ, велѣлъ ихъ казнить и вѣшать, и умная жена атамана Карыгина предупреждаетъ своего загулявшагося въ кабакъ мужа объ угрожающей опасности.

Въ другой пѣснѣ Донской казакъ горюетъ о своей разлукѣ съ красной дѣвицей, которая мила ему тѣмъ,

Что выкупила меня изъ тяжелой неволюшки,
За выкупъ дала эта красна дѣвица пять сотъ рублей,
Тово-то, сего, стало красной дѣвицѣ ровно тысячу.

Но гораздо чаще въ нашихъ пѣсняхъ вмѣсто красной дѣвицы и молодой жены, встрѣчается родимая матушка. При проходахъ добраго молодца на службу, но большей части

она только мать слезно разливается въ причитаньяхъ, жена-же получаетъ строгіе наказы *жить по смирнѣй*. У матери только, вѣщуя сердце предсказываетъ или скорую смерть, или тяжолый плѣнь ея сына.

Какъ и сталь-то младецъ я на возрастѣ,
Сталь конемъ владать, изъ ружья стрѣлять.
Записали молодца въ дальню службу, Государеву.
Какъ ни кто-то младца провожать нейдетъ.
Провожала его родная матушка,
Провожала-ублажала, слезно плакала:
Ужъ-ты сынъ-ли мой, сынъ возлюбленный!
Когда-же ты, сынъ, домой будешь?
Какъ есть у моего роднаго батюшки садъ зелененькій,
Какъ во томъ-то саду стоитъ яблонка,
Во той-то яблонки суха маковка,
Когда она разцвѣтатъ будетъ,
Вотъ тогда-то и я домой буду.

Также отъѣзжающій казакъ утѣшаетъ въ слезахъ не жену, не милаго дружка, а родимую матушку. Убьютъ-ли, или заплонятъ казака, конь его бѣжитъ по звѣздамъ прямо ко двору своего хозяина, выходитъ первая ему на встрѣчу и причитаетъ надъ нимъ опять таки-старая вдова, мать погибшаго казака.

Что-же дѣлаетъ жена въ долгое отсутствіе мужа? Покорливая, по выраженію пѣсень, не

оберется отъ услуженія всѣмъ и каждому въ домѣ грознаго свекора, и много дѣла на рукахъ у нея:

Свекору постелюшку стлать,
Свекрухѣ въ головѣ искать,
Дѣверю коня добраго сѣдлать,
А золовкѣ русу косу заплетать.

Мало времени остается, что-бы потужить о своемъ миломъ и высказать свою грусть-тоску въ заунывныхъ тонахъ пѣсни:

Нельзя бабочкѣ по горенкѣ пройтись,
Нельзя розочкѣ по миломъ не тужить.
Проводила я милова въ дальнюю службу,
Во тою-то службу, шельму—Грузію.
Я и годъ-то ждала, бабочка, другой ждала,
На четвертый-то годчикъ *насилочкой* дождалась.

Игреливая-же жена, пользуясь отсутствіемъ мужа, не теряетъ даромъ времени. Она, какъ еще при разстановкѣ съ мужемъ угрожала ему, «*со инымъ со милымъ все повадилась.*» Она всѣхъ проводитъ за носъ: и свекруху, и подругъ, да и самъ-то милый у нея въ ежовыхъ рукавицахъ. Она даетъ ему наставленія:

Ты ходи, ходи, Ванюшка,
Ты ходи, ходи раздуша,
Поздно вечеромъ.

Ты не улицей, Ванюша,
Не широкою, раздуша,
Переулочкомъ.
Ты не голосомъ кричи,
Соловьемъ свищи,
Чтобъ я молоденька догадалась.
Я подруженькамъ скажу,
Сударушкамъ доложу:
—Мнѣ домой пора идти.—
Ужъ я маменькѣ скажу,
Государинѣ доложу:
—Животомъ-то я больна.—

Чужемужняя жена играетъ своимъ любовникомъ, не легко поддается на его ласки, которыя покупаются дорогою цѣною долгихъ убоженій и услужливости съ его стороны; онъ выполняетъ самыя странныя капризы своей возлюбленной. Можетъ быть, въ лицѣ послушнаго любовника, жена вымѣщаетъ всю свою злость на тирановъ мужей. Такъ жалуется на свое положеніе любовникъ *чужемужней* жены:

Сударушка моя, *чужемужняя* жена!
Ты меня, сударушка, высушила.
Испробилъ я чоботушки, къ сударушкѣ ходючи;
Изорвалъ я синь-чекмень, по заборамъ лазючи,
Испарилъ я фуражечку, подъ кочельми стоячи,
Износилъ я перчаточки, за колушки хватаючись.
Изъ всѣхъ *миоическихъ* богатырей, на До-

ну пользуется большею известностью Добрыня Никитичъ. Его прощаніе съ матерью, его выѣздъ на богатырскіе подвиги, что бы «душечку добраго коня по наѣздити, свои богатырскіе силы призувѣдати», долгое отсутствіе изъ дому, и въ это время измѣна жены-возбуждаютъ особенное сочувствіе между казаками, можетъ быть потому, что въ жизни мифическаго Добрыни такъ много сходнаго съ жизнью казака. Таже долгая служба, отсутствіе изъ дому и наконецъ старость матери, измѣна жены.

Добрыня уже 30 ть лѣтъ какъ оставилъ свой домъ и, ничего невѣдая и неподозрѣвая, разгуливаетъ себѣ по полю Куликову; но конь, всегда не измѣнный слуга и товарищъ своего хозяина, сталъ предвѣщать ему:

Какъ матушка твоя состарилась,
Молода жена просвѣталась.

Возвращается Добрыня домой, но долгая служба, богатырскіе труды такъ измѣнили его, что старая вдова, Амелфа Тимофеевна, не узнаетъ въ немъ своего сына. А Добрыня отвѣчаетъ ей:

Я и самъ-то состарился,
Свѣтлое платье износилось,
Золотая казна истощилась,
Душечка добрый конь изѣздилися.

Тоже самое говорить на пиру у Князя Владимира какой-то неизвѣстный никому *старикъ-старый*, сидѣвшій по конецъ стола, когда его спросилъ Красно-Солнышко-отчего онъ не пьетъ и не ѣстъ и не хвалится:

Ну какъ не чѣмъ мнѣ, старинушкѣ, похвалиться;
Какъ была у меня молода жена—сыпросвѣталась,
Какъ былъ у меня душа—добрый конь—весь изѣздилися.

Но вотъ, наконецъ, послѣ долгаго отсутствія возвращается казакъ на родину, въ свой домъ; родная матушка первая встрѣчаетъ его еще среди пути, среди дороженьки, потомъ выходитъ на встрѣчу сестра и, послѣ всѣхъ, жена, которая встрѣтила мужа среди двора.

Начала-то мать сыну жалиться:

«А жена твоя во рспутъ пошла,
Во рспутъ пошла, горька пьянца.
И зеленый садъ засушенный весь,
А широкій дворъ засаренный весь,
Всѣ канюшеньки по растворены,
И всѣ коники позаѣжены.»

Это самая интимная семейная сцена, дающая понятіе о томъ, до какихъ предѣловъ дошла игреливая жена въ отсутствіе мужа; но у ней на каждый обвинительный пунктъ готовы по десяти оправданій, съ которыми часто и соглашается,

иногда по неволѣ, недалновидный сожитель. Особенно трудно оправдаться въ первомъ обвиненіи, во распутѣ, когда, какъ часто случается, бываетъ улыка на лицо. Недаромъ поютъ у насъ о хорошей дочери Князя Владиміра, которая

Согрѣшила вдругъ дитю малова,
Какъ того-то дитю Александра Македонскаго.
Со того-то, со стыда, изъ граду вонъ пошла.

Иногда и тутъ можно свалить всю вину на огненнаго змѣя, на его частыя насильственныя посѣщенія и змѣиныя ласки: Игреливая жена говоритъ такъ жалобно, съ воемъ и причитаньемъ, что мягко-сердый мужъ, пожалуй, и повѣритъ ей. Относительно другихъ обвиненій оправдаться легко. За отсутствіемъ мужа, игреливая жена по своему распорядилась хозяйствомъ:

Продала я кобылу,
Набрала я румяны—,
Продала я корову,
Набрала я бѣлилы—,
Продала я скирдъ овса,
Набрала я струменту.

Но возвращается мужъ, многого не досчи-

тывается въ хозяйствѣ и дѣлаетъ строгій допросъ:

«Идѣ жена, кобыла?»
—Я на гору проводила.—
«Идѣ жена, корова?»
—Я въ стадушку прогнала.—
«Идѣ, жена, скирдъ овса?»
—Находила тамъ гроза
Зажигала скирдъ овса.—
«Съ чего, жена, бѣлая?»
—Мыломъ бѣло вымылась.—
«Съ чего жена румянна?»
—Противъ жара стояла.—

А вотъ другой обращикъ объясненія мужа съ женою, послѣ долгой разлуки:

Какъ и сямъ да и тамъ
Мы таскались по горамъ.
Получили мы весной
Полку нашему домой.
«Здравствуй, жоночка моя!
«Ты вѣрна-ль ко мнѣ была?»
—Я призналась—бы тѣ вольно,
—Да побъешь-ты меня больно.
«Ты не чай-то отъ меня,
«Я соскучилъ по тебя.
—И за всѣ-то пять годовъ.
—Я любила *русаковъ!*
«Какъ за этихъ русаковъ,
«Я сострою *трепаковъ.*

«Замѣняла казаковъ,
«На *припузыхъ* русаковъ!»

Но что значать для игреливой жены всѣ эти трепакки, буханцы, потасовки, подзатыльники, когда, по народной пословицѣ «за битаго двухъ не битыхъ даютъ», «взялъ толчекъ, за другимъ не гонись», а «спина наживное дѣло», если «плетка и убавить тѣла, то наживешь новаго?» И вотъ тѣ самыя побои грознаго мужа, которые для однѣхъ служатъ источникомъ безконечныхъ жалобъ на свою горькую долю, сюжетомъ этихъ рыдающихъ пѣсень, для игреливыхъ-же натуръ, эти побои—какъ съ гуся вода. Онѣ даже издѣваются, глумятся надъ плеткою или дубиною въ рукахъ мужа въ доказательство, что скорѣе презираютъ, чѣмъ боятся своихъ мужей.

Какъ *нониче* куры поютъ *кочетами*,
Теперича жены старше надъ мужьями:
Сѣкутъ батожьями, своими боками.

Часто изображается въ пѣсняхъ игреливая жена въ кабацѣ съ чаркою, напивающаяся до пьяна зелена вина. Даже въ свадебныхъ пѣсняхъ, въ которыхъ душа красна дѣвица всегда выставляется въ поэтическомъ ореолѣ, въ видѣ

сизою голубушки, воркующей съ голубемъ, ластушки-косатушки, прощающейя съ роднымъ гнѣздушкомъ, поется между прочимъ и о гоголушкѣ душѣ Катюшкѣ, которая

Во пирь-то идетъ, что павушка плыветъ,
Со пиру-то идетъ, что твой алыи цвѣтъ.

Въ другой пѣснѣ мужъ ходитъ по-торгупо-базару и отыскиваетъ свою загулявшуюся жену, наконецъ онъ узнаетъ:

Его жена въ кабацѣ,
Держитъ чарку во рукѣ,

Подъ окошкомъ сидитъ
Во стекольцо глядитъ.

Вотъ муженька идетъ,
Онъ дубинку волокетъ:

Тото сучковату,
Тото пеньковату!

За что меня хочеть бить?
Что я ему не напяла?

Не одна я пряла,
Кума помогала,

Пшеничная мука
Всеми помощница.

Еще Богу погрѣшила,
Три Брана утопила.

Какъ со этой со бѣды
Поаѣяла лебеды,

Посѣяла лебеды
Уродились дынки.

La

Мужъ сквозь пальцы смотреть на пьянство жены, значить дѣло обычное. Сучковатая-же дубина женѣ за ея упущенія по хозяйству, за раскраденную пшеничную муку, за утопленных барановъ и т. п. Игреливая жена далеко не домовитая хозяйка; за что-бы она не взялась, вездѣ у нея не выходитъ дѣла: посѣтетъ дынки, уродится лебеда—или на оборотъ. Это лучше всего выражаетъ тотъ сумбуръ и безурядицу въ хозяйствѣ, чѣмъ рязумѣтся и угощаетъ игреливая жена своего драчливаго и ворчливаго мужа за его вѣчнее ворчанье и побои. Но у мягко-сердаго и не дальновиднаго мужа жена найдетъ тысячу средствъ оправдаться въ винѣ, избавиться отъ дубины и даже подчинять себѣ морально своего главу, который, ничего не подозрѣвая, вполне состоитъ подъ башмакомъ своей слуги—работницы. И къ тому-же жена такъ разрядится, разукрасится, такъ нѣжно взглянетъ на мужа, что у него вдругъ и сердце спадетъ и дубинка вывалится изъ рукъ:

Я пашу, пашу, пашу,
Самъ на солнышко гляжу.
Какъ чужія жены
Къ мужьямъ на поле идутъ
И обѣдать имъ несутъ.

А моя, шельма, жена
Ко мнѣ на поле нейдетъ
И обѣдать не несетъ.
Запрягу я кобылушку,
Да поѣду во лѣсокъ,
Да вырѣжу лозу дубовую
На свою, шельму—жену.
Пріѣзжаю ко двору—
Она ходитъ по двору,
Разнаряженная, разукрашенная
При красномъ сарафанѣ,
При кумачныхъ рукавахъ,
Какъ и брошу я лозу—
Поцѣлую я жену....
«Ахъ, гдѣ-жъ ты, жена была,
Да и гдѣ ты гуляла?»
—У сосѣда во бесѣдѣ
Крѣпку водочку пила:
За тебя, милой, стаканъ,
За хозяина—другой;
За себя я налила
Зацѣпилась, пролила!
«Ой, спасибо тѣ, жена!
Не забыла про меня».
Вотъ и какъ тебя забыть,
Когда-бъ воля, когда-бъ двѣ,
Продала-бы я тебя,
Иль Татарамъ отдала
За куцова кобеля.

Послѣднія слова пѣсни, въ которыхъ вы-

ражаются задушевныя чувства ожесточенной жены, разумѣется, высказаны были, что называется, себѣ подъ носъ. Физической силѣ мужа жена противопоставляетъ хитрость, обманъ—затаенную ненависть, выражающуюся бранью про себя и презрѣніемъ. А если такой женѣ попадется въ мужья вохлакъ-мужикъ, то она уже открыто третируетъ его по всякому, и командуетъ имъ, какъ ея душечкѣ угодно.

Ты мужикъ, ты мужикъ, мужицкая харя!
Ужъ—ты зналъ, кого бралъ, что я кавалерша,
Не умѣю я жати, не умѣю вязати,
Сдѣлай ты мнѣ болаганчикъ, я буду лежати.

Иногда семейная драма, состоящая изъ брани, побоевъ съ одной стороны и ожесточенной, но скрытой мести съ другой, оканчивается кровавымъ актомъ, убійствомъ. Изъ статистическихъ данныхъ мы узнаемъ, что въ казачьемъ сословіи изъ всѣхъ родовъ преступленій особенно часто повторяется убійство, совершаемое въ большей части случаевъ вслѣдствіе семейныхъ несогласій. Такъ изъ 80-ти случаевъ убійства за послѣдніе 10-ть лѣтъ, 43 были совершены женщинами—казачками надъ мужемъ, свекоромъ или перебойщицей-полюбовницей. Такія факты изъ семейной казачей жизни не

могли не отразиться и въ народной поэзіи. Однажды случилось молодцу мимоѣздомъ слышати изъ высокаго терема умоляющій голосъ жены, которая такъ уговаривала своего грознаго мужа:

Ты мужъ, мой мужъ, ты законный другъ!
Ты не бей меня рано съ вечера,
Ты убей меня во глуху полночь,
Наши дѣточки будутъ крѣпко спать,
Ничего-то они не будутъ знать.

Какъ совершалось самое убійство, пѣсня умалчиваетъ; мужъ уважилъ послѣднюю просьбу матери и убилъ ее во глуху полночь. Но заунывные тоны этой пѣсни, слезныя голошенія малыхъ дѣтушекъ надъ свѣжей могилой убитой матери, смѣняются плясовымъ напѣвомъ и шутивымъ тономъ пѣсни о томъ, какъ жена мужа задушила. *Иреливая* жена, прогулявши цѣлую ночь съ милымъ дружкой, съ восходомъ солнца возвращается домой:

Пришла я ко двору,
Старый ходитъ по двору,
—Гдѣ-жъ ты, женушка, была, гдѣ погуливала?
«Старый врагъ, тебѣ выслѣпило!
Я на печкѣ спала, я на войлочкѣ,
Къ стѣнкѣ лицомъ, къ тебѣ ребрушкой,

Ребрушкомъ-перевертушкомъ».
 А я молода все догадлива была,
 Веревочку сама свила,
 А милому конецъ подала.
 «Милый потяни, душа радость потяни!
 Милый потянулъ,
 Старый ноги п. отянулъ.
 Руками мотаешь, будто чешется,
 Зубы оскалилъ, будто *дражнится*,
 Слюни распустилъ, будто бѣсится.

И отъ такого случая, изображеннаго совѣми непривлекательными подробностями въ народной пѣснѣ, гдѣ игреливая жена шутя и посмѣваясь совершаетъ возмутительнѣйшее изъ убійствъ, можетъ быть, останется только въ архивахъ уголовного суда дѣло о *задушеніи въ смерть* такого-то казака. А сколько подобныхъ этому кровавыхъ семейныхъ драмъ укрылось подъ незатѣйливою, казенно-однообразною формою уголовныхъ слѣдствій, производившихся развѣздными засѣдателями. Что имъ за дѣло до того, что подсудимая жалуется на давно уже грызущую ее злодѣйку тоску, потому что опостылѣлъ ей ея законный мужъ, выдалъ де ее батюшка за неровнюшку. Невникнуть имъ въ тонкіе изгибы души человѣческой, не добратся имъ до психическихъ причинъ совершеннаго пре-

ступленія. Дѣло на лицо, и запишется: и сама де созналась *въ своемъ звѣрскомъ злодѣяннн*, и озаглавится: *Дѣло объ убіеніи въ смерть, или дѣло о истязаніи казакомъ жены своей, отцею она будто-бы умерла*, или дѣло о *побояхъ казака женѣ своей*, отъ которыхъ она *будто-бы преждевременно родила незаконнорожденнаго дитя*. А между тѣмъ подъ такими не мудренными и вмѣстѣ остроумными заглавіями, скрываются въ высшей степени поучительные факты. Въ одномъ дѣлѣ подсудимая сознается, что во время нахождения мужа на службѣ, она завелась любовникомъ, что мужъ, по возвращеніи домой, догадываясь о ея преступной связи, билъ и тиранилъ ее, что и довело ее до преступленія. Въ другомъ дѣлѣ казакъ, возвратившись со службы, замѣчаетъ, что жена его ведетъ распутную жизнь, по-этому рѣшается убить и себя и жену свою. Въ третьемъ—горемычная жена отравлена не влюбившей ее свекровьей. Въ четвертомъ, свекеръ-батюшка, въ отсутствіе сына, склоняетъ невестку на грѣховное дѣло. А часто и очень часто 16-ти лѣтняя жена, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ замужества, вдругъ ни съ того, ни съ сего возненавидитъ своего сожителя, кото-

раго до сего и любила и уважала. Еще чаще мужу-малолѣтку вдругъ опостынетъ нелюбая жена и, въ припадкѣ ненависти, какъ нибудь *незначай*, онъ убьетъ ее. Вотъ еще казакъ просить станичныхъ правителей, что-бы они развели его съ женою—измѣнницею, которая, во время нахождения его на службѣ, принесла ему незаконный плодъ. За частую бываетъ, что жена въ отсутствіе мужа вытравляетъ свое незаконное бремя, какъ явную улику своей распутной жизни. Однимъ словомъ, если сгруппируемъ всѣ вышеизложенные факты, взятые изъ уголовныхъ дѣлъ за послѣдніе 10-ть лѣтъ, то увидимъ, что изъ 22-хъ случаевъ убійства, 14 совершены были вслѣдствіе нарушенія супружеской вѣрности и большею частію со стороны жены, во время нахождения мужа на службѣ, а 8-мъ по причинѣ не объяснимой, не понятной для слѣдователей ненависти между супругами. Въ послѣднихъ случаяхъ преступниками дѣлались по преимуществу не достигшіе гражданского совершеннолѣтія.

III.

ДОНСКАЯ СВАДЬБА.

Такъ какъ казачество образовалось преимущественно изъ двухъ народностей — Велико-русской и Малорусской, то поэтому и наши свадебные обряды и пѣсни сходны то съ Велико-русскими, то съ Малорусскими обрядами и пѣснями. Часто случается, что Велико-русская пѣсня поется съ отгѣнками Малорусскаго выговора и, на оборотъ, Малорусскій свадебный обрядъ обставленъ подробностями, вынесенными изъ Велико-русской жизни. Но, кромѣ того, казачья жизнь, съ своимъ военнымъ характеромъ, внесла много своихъ особенностей въ эти пѣсни и обряды. Такъ, извѣстный свадебный обрядъ: невѣста—товарь, а женихъ—купецъ, у насъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ варьируется такъ: невѣста—крѣпость, а женихъ—войско, которое должно приступомъ взять крѣпость. Поѣзжаные занимаютъ особенно видное мѣсто въ нашихъ свадьбахъ.

Сопровождая жениха какъ его сверстники и товарищи, они гарцуютъ на своихъ строевыхъ коняхъ, стрѣляютъ въ цѣль и, наконецъ, по возвращеніи молодыхъ изъ церкви, скачутъ и прыгаютъ черезъ кучи горящей соломы или хвороста.

Сватанье. Сваха, знающая до мелочей весь свадебный чинъ и порядокъ, въ сопровожденіи жениха и его родственниковъ, является въ домъ невесты, гдѣ уже предупреждены на счетъ сватовства, поэтому всѣ родичи въ сборѣ. Полурастворивши дверь, сваха спрашиваетъ: «*ходятъ-ли грѣшные въ рай*»? На это отвѣчаютъ нѣсколько голосовъ: «ходятъ и носятъ, моя родная (т. е. носятъ угощеніе)». Тогда сваха переступаетъ черезъ порогъ въ горницу со словами: «несемъ, несемъ! Ужъ нечего дѣлать». За нею входятъ всѣ сопровождавшіе ее родственники жениха, за исключеніемъ самаго жениха, который еще нѣкоторое время остается на крыльцѣ. Поздоровавшись, всѣ усаживаются, но сватовство еще не начинается, потому что поджидаютъ кого-то изъ родственниковъ невесты. «Мы видимъ, говорятъ родные невесты, што вы не съ добромъ пришли къ намъ; у насъ на этотъ разъ войско

не въ сборѣ, то милости просимъ обождать, не начинать войны». Потомъ пойдутъ безконечные толки о штурмѣ, о *лезервѣ*, *антилеріи*. Наконецъ приходятъ ожидаемые родичи и все смолкаетъ. Сторона жениха отходить къ порогу, изъ середины ея выступаетъ сваха и начинаетъ свою рѣчь: «мои родные, всѣ предсѣдѣящіе! Вотъ за какимъ дѣломъ мы пришли къ вамъ по такой годинѣ: у васъ есть товаръ хорошей, а у насъ купецъ славной!»—«Да пошли Богъ только купца хорошова, отвѣчаютъ со стороны невесты, а то слова нѣтъ, продать надо». Толпа отхлынула отъ дверей, вошелъ малолѣтокъ, въ красномъ, какъ маковъ цвѣтъ кафтанѣ, и сталъ на вытяжку по срединѣ комнаты. «Вотъ нашъ купецъ-молодецъ, мои родные и всѣ гости предсѣдѣящіе! Милости просимъ посмотрѣть, да и намъ товаръ свой показать».—«Посмотримъ, посмотримъ! Не слѣпой-ли онъ»? говоритъ одна изъ родственницъ невесты, присвѣчивая къ лицу жениха. «Нѣтъ, онъ *кубыть* не слѣпой. Да не хромой-ли онъ»? Женихъ прошелся два раза по горницѣ: «Хорошъ, хорошъ; нечево сказать», говоритъ сторона жениха, «теперь позвольте вашъ товаръ посмотрѣть». Изъ сосѣдней комнаты выходитъ

невѣста и, ставши по срединѣ, стыдливо опускаетъ глаза. Голова ея была убрана по *низовски*, въ одну косу, шелковый кубилекъ безъ складокъ ^{плотно} обхватывалъ ея станъ; на груди онъ былъ застегнутъ большими бисерными пуговками, серебряный поясъ слишкомъ высоко опоясывалъ ея талию. Послѣ публично заявленнаго согласія жениха и невѣсты на бракъ, ихъ становятъ рядомъ и, помолившись Богу, благословляютъ хлѣбомъ-солью. «Дай-же Богъ намъ слышанное видѣть, желанное получить» приговариваютъ родители невѣсты. Потомъ идетъ круговая чара; ее подносятъ женихъ и невѣста всѣмъ присутствующимъ по старшинству, и принимаютъ отъ нихъ поздравленія и пожеланія согласной супружеской жизни, счастья и богатства. По окончаніи этого обряда, невѣста съ женихомъ выходятъ въ другую горницу и садятся рядомъ на сундукъ, который назначенъ въ приданное невѣсты, а подруги невѣсты поютъ :

Сѣрь закушка, горностаѣ молодой!
Пошто тебя въ чистомъ полѣ нѣтъ?
Аль у тебя идѣ привадушка есть?
Привадушка—камышъ травушка,
Прилучушка—бѣлая ластушка

Она меня привадила къ себѣ,
Она меня въ камышъ траву зазвала,
Она меня сѣрымъ зайцемъ назвала.
Молоденькій Алеша Ивановичъ!
Пошто тебя долго съ вечера нѣтъ?
Аль у тебя гдѣ привадушка есть?
Привадушка у меня—тестевъ дворъ,
Прилучушка—душа Танюшка,
Она меня привадила къ себѣ,
Она меня къ себѣ въ гости зазвала,
Она меня милымъ другомъ назвала.

Въ это время родственники жениха подымаются и просятъ сватовъ-болѣзныхъ пожаловать въ родительскій домъ жениха на хлѣбъ, на соль, на винную чарку. Проходя по улицамъ, свашки со стороны жениха поютъ:

Два двора да минуючи, въ третьемъ послушаемъ,
Въ третьемъ послушаемъ, што люди говорятъ,
Што люди говорятъ, мово батюшку бронятъ:
«Пьяница да пропойница Танюшкинъ батюшка,
Пропилъ онъ Танюшку, пропилъ Андреевну».

На это отвѣчаютъ со стороны невѣсты :

Што люди говорятъ, мово батюшку хвалятъ:
Умничикъ, да разумничикъ Танюшкинъ батюшка,
Помолвилъ Танюшку, помолвилъ Андреевну
За Алешеньку свѣтъ да Ивановича,
На честное слово, на добрую славу.

Выданье. Малолѣтки, сверстники жениха приглашенные имъ въ поѣзжанные, являются на своихъ лучшихъ меряшкахъ; руки ихъ перевязаны яркими платками, и узды и плети красными ленточками. Отецъ жениха посылаетъ одного изъ нихъ, такъ называемаго *передовою*, предупредить сватовъ о томъ, «что молодой князь уже на пути, и просить всепокорно что-бы были готовы къ выданью молодой княжны». А между тѣмъ женихъ, верхомъ на лучшей лошади, перевязанный черезъ плечо платкомъ—подаркомъ невесты, въ сопровожденіи дружки и поѣзжаныхъ, медленно ѣдетъ къ дому невесты. Въ это время поѣзжанные обыкновенно поютъ какую нибудь казачью военную пѣсню.

Невеста, окруженная подругами, одѣвается къ вѣдцу. Ею овладѣваетъ грустное чувство при мысли, что она послѣдній день проводитъ въ родительскомъ домѣ, что наступаетъ конецъ ея дѣвичей волѣ. Съ самаго утра, сидя на своемъ приданномъ сундукѣ, она заливается горькими слезами, а подруги ея поютъ:

Не лебедушка на зарѣ рано воскрикнула,
Воскричала красна дѣвушка:

Свѣтъ ты, моя волюшка,

Свѣтъ ты, моя нѣгушка
У родимой матушки!
Полно солнушку изъ-за лѣсу свѣтить,
Полно дѣвушкѣ по своей волѣ жить!

Женихъ вмѣстѣ съ дружкомъ и поѣзжанными въѣзжаетъ на дворъ невесты. Потомъ слѣдуетъ этотъ распространенный обрядъ *про-ажки невесты*, который съ разнообразными *змѣненіями* существуетъ и въ Великорусскихъ *вадьбахъ*. Когда законченъ этотъ обрядъ, дружка всепокорнѣйше проситъ отца и мать невесты—отпустить ихъ въ *дальній путь*.

Послѣ вѣнчанья, когда свадебный поѣздъ приближается къ дому жениха, свашки поютъ:

Отворяй, маменька, широкъ дворъ,
Да вотъ тебѣ, маменька, сынъ на дворъ,
Да не самъ съ собою, съ женою,
Съ своей вѣрною слугою.

Родители жениха встрѣчаютъ молодыхъ на крыльцѣ, поднявши коровой надъ головою ихъ. Принявши молодыхъ, хозяйка шлютъ *въстовова* къ сватамъ, просить ихъ отъ молодаго князя и княгини на пиръ.

Родители невесты въѣзжаютъ на дворъ молодаго князя съ слѣдующей пѣсней:

Выйди, маменька, посмотри,

Што тебѣ бояре привезли:
Чи корысточку, чи невѣсточку,
Чи молодую молодаечку.

Или :

Сваха сваху ждала,
Коврами дворъ стлала,
Коврами бобрами,
Черными соболями.

Пиръ на весь міръ заканчиваетъ свадьбу.
Вино не покупное, а самодѣлковое, изъ своихъ
садочковъ льется рѣжкой. Веселье продолжается
3, 4 дня; если-же женится зажиточный казакъ,
то вся станица участвуетъ въ весельи. «А
што веселая свадьба была, Прохорычъ»? спраши-
ваютъ станишники.

«Тамъ развѣ не развеселая, братецъ ты мой,
одного вина 20 ведеръ вышло, да водки 10;
а сколько было калобышекъ, пампушекъ, ба-
бышекъ, такъ и сказать нельзя. А варева-то
всякаго?... Ужъ и правда, што *«наварили на
Маланьину свадьбу»*.

ДОНСКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

А. ПѢСНИ ИСТОРИЧЕСКІЯ.

1.

Какъ на славныхъ на степяхъ было Саратовскихъ,
Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Собирались казаки-други, люди вольные,
Собирались они, братцы, во единый кругъ:
Какъ Донскіе, Гребенскіе и Яицкіе;
Атаманъ у нихъ Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ,
Есаулъ у нихъ, Асташка, сынъ Лаврентьевичъ.
Они думали думушку все единую:
Ужъ какъ лѣто проходить, лѣто теплое,
А зима настаетъ, братцы, холодная,
Какъ и гдѣ-то намъ, братцы, зимовать будетъ?
На Яикъ намъ идтить—переходъ великъ,
А на Волгѣ ходить намъ—все ворами слыть,
Подъ Казань градъ идти—да тамъ Царь стоитъ
Какъ грозной-то Царь Иванъ Васильевичъ;
У него тамъ силы много множество.
Да тебѣ, Ермаку, быть тамъ повѣшену,
А намъ казакамъ быть переловленнымъ,

Да по крѣпкимъ по тюрмамъ по рассаженнымъ.
 Какъ не золотая трубушка вострубила,
 Не серебряная рѣчь громко возговорить,
 Рѣчь возговорить Ермакъ сынъ Тимофеевичъ:
 Гей вы думайте, братцы, вы подумайте,
 И меня Ермака, братцы, послушайте:
 Зазимуемъ мы, братцы, всѣ въ Астрахани,
 А зимою мы, братцы, поенравимся,
 А какъ вскроется весна красная,
 Мы тогда-то, други братцы, во походъ пойдемъ,
 Мы заслужимъ передъ грознымъ Царемъ вину свою:
 Какъ гуляли мы, братцы, по синю морю,
 Да по синю морю, по Хвалынскому,
 Разбивали мы, братцы, бусы, корабли,
 Какъ и тѣ-то корабли, братцы, не орленые,
 Мы убили посланничка не Царскаго,
 Какъ того-то посланничка Персидскаго.
 Какъ во славномъ было городѣ во Астрахани,
 На широкой, на ровной было площади,
 Собирались казаки-други во единый кругъ,
 Они думали думу крѣпкую,
 Да и крѣпкую думушку единую:
 Какъ зима-то проходить все холодная,
 Какъ и лѣто настаетъ, братцы, лѣто теплое,
 Да пора ужъ намъ, братцы, во походъ идтить.
 Рѣчь возговорить Ермакъ Тимофеевичъ:
 Ой вы гой еси, братцы, атаманы молодцы,
 Эй вы дѣлайте лодочки каломенки,
 Забивайте вы кочета еловые,
 Накладайте бабаички сосновые,
 Мы поѣдемте, братцы, съ Божьей помощью,

Мы пригрянемте, братцы вверхъ по Волгѣ по рѣкѣ,
 Перейдемъ-те мы, братцы, горы крутыя,
 Доберемся мы до Царства басурманскаго,
 Завоюемъ мы царство Сибирское,
 Покоримъ его мы, братцы, Царю Бѣлому,
 А Царя-то Кучума во полонъ возьмемъ,
 И зато-то Государь Царь насъ пожалуетъ.
 Я тогда-то пойду самъ ко Бѣлу Царю,
 Я надѣну тогда шубу соболиную,
 Я возьму кунью шапочку подъ мышечку,
 Принесу я Царю Бѣлому повинную:
 Ой-ты гой еси надежда, православный Царь!
 Не вели меня казнить, да вели рѣчь говорить:
 Какъ и я-то Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ;
 Какъ и я-то воровской Донской Атаманушка;
 Какъ и я-то гулялъ вѣдь по синю морю,
 Что по синю морю, по Хвалынскому;
 Какъ и я-то разбивалъ вѣдь бусы корабли,
 Какъ и тѣ-то корабли все не орленые;
 А теперича, надежда православный Царь,
 Приношу тебѣ буйную головушку,
 И съ буйной головой царство Сибирское.
 Рѣчь возговорить, надежда православный Царь;
 Какъ и грозной-то Царь Иванъ Васильевичъ:
 Ой ты гой еси Ермакъ сынъ Тимофеевичъ,
 Ой ты гой еси войсковой Донской атаманушка!
 Я прощаю тебя да и со войскомъ твоимъ,
 Я прощаю тебя да за твою службу,
 За твою-то ли службу мнѣ за вѣрную,
 И я жалую тебѣ Ермакъ славной тихой Донь.

(Пѣсни Русс. народа ч. 4-я стр. 252.)

* * *

Пойдемте мы, братцы, на Куму рѣку;
На Кумѣ рѣкѣ зимовать будемъ
Мы подѣлаемъ балаганы камышевые,
Разѣзды имѣть будемъ дальніе,
До того-то мѣстечка до урочнаго,
До того-то кургана высокаго.
Мы будемъ бить, братцы, куницъ, лисицъ,
Куницъ-то лисицъ и черныхъ соболей.
Погода немножко на единый часъ —
Не буря шумить и не громъ гремитъ,
Отъ Царя къ Ермаку курьеръ бѣжитъ.
Прибѣгаетъ къ Ермаку Тимофеевичу,
Подаетъ онъ указы государевы.
Принималъ Ермакъ указы, самъ вычитывалъ,
Прочитавши указы, рѣчь возговорилъ:
Я тебя, посланничка, не слушаю,
А я самъ къ Царю на отвѣтъ пойду.....
Надѣваетъ Ермакъ свою кунью шубу,
Подпоясываетъ сабельку булатную,
А шапочку вдѣваетъ, молодець, трухменочку;
Идетъ Ермакъ вдоль по улицѣ;
У куньей шубы полы развиваются,
Князья-то боиры удивляются,
Что хорошь, пригожь, молодець, уродился;
Тутъ сталъ государь его спрашивать:
— Не ты ли Ермакъ сынъ Тимофеевичъ?
Не ты ли воровской Донской атаманушка?
Не ты ли гулялъ тамъ во синю морю,
Не ты ли разбивалъ мои корабли?

Тутъ отвѣтъ держалъ добрый молодець:
То-то я то Ермакъ сынъ Тимофеевичъ,
То-то я то казачій атаманушка,
То-то я то гулялъ по синю морю,
То-то я то разбивалъ корабли;
Но корабли были не орленые,
Не орленые были, не тавреные,
Не платили государю дани пошлины.
— За все загадочки, за все прошлыя,
И за эту бѣду тебя Богъ простить:
Заслужи ты, Ермакъ, мнѣ службу вѣрную,
Возьми ты, Ермакъ, мнѣ Казань городъ.

* * *

Какъ на Волгѣ на рѣкѣ, на Камышенкѣ,
Живутъ казаки, люди вольные,
Донскіе, Гребенскіе со Яицкими.
У казаковъ атаманушка
По имени Ермакъ сынъ Тимофеевичъ.
Не золота его трубочка вострубила,
Ни звонкая, ни громкая его рѣчь возговорила,
Говорилъ то намъ Ермилъ Тимофеевичъ:
Ужь вы слушайте, братцы, послушайте,
Дайте мнѣ Ермилу думушку придумати:
Проходитъ у насъ лѣто теплое,
Наступаетъ зима холодная,
Еще гдѣ-же намъ казакамъ зиму зимовать?
Намъ на Волгѣ быть все ворами слыть,
На Яикъ идти—переходъ великъ,
Подъ Казакъ идти—грозенъ Царь стоитъ,

Грозень Царь Иванъ Васильевичъ;
 У него много силы арміи,
 Не мало, не много, сорокъ тысячъ.
 Идти-ль, не идти-ль, братцы, намъ,
 На Иртышъ рѣку;
 Мы возьмемъ, братцы, Тоболь городъ,
 И пойдѣмъ къ Царю съ повинною,
 Возьмемъ топоръ съ пикою.
 Ловилъ Ермилъ сынъ Тимофеевичъ
 Своего наилучшаго коня,
 Вздѣвалъ свою уздечку тесмянную,
 Накладывалъ портники бѣлы бумажныя,
 И накладывалъ свое сѣдельцо Черкасское,
 Подтягивалъ двѣнадцать подпругъ шелковыхъ; —
 Не для красоты, а для крѣпости.
 Садился Ермилъ на своего добра коня,
 И поѣхалъ къ Царю своему съ повинною.
 Пѣшкомъ идетъ Ермилъ—свою силу ведетъ,
 Онъ идетъ потихохоньку и почастехоньку.
 Подъѣзжаетъ онъ къ широку дворцу,
 Къ широку дворцу, къ Царскому,
 Ко крылечку окрашенному.
 Онъ слѣзъ Ермилъ со добра коня,
 Потихохоньку и почастехоньку;
 Онъ пошелъ Ермилъ Тимофѣевичъ
 Во Царски бѣлыя палатушки.
 Онъ идетъ Ермилъ сынъ Тимофѣевичъ
 Потихохоньку и почастехоньку,
 Онъ взшелъ во Царски бѣлы во полатушки,
 Ты, здорово здорово, батюшка, нашъ православный Царь,
 Иванъ сынъ Васильевичъ!

Я пріѣхалъ къ тебѣ, Ермилъ, съ повинною,
 Я шатался, мотался Ермилъ,
 По чисту полю и по синю морю,
 Разбивалъ я Ермилъ бусы корабли,
 И Таксырскіе и Басурманскіе,
 А больше корабли Государевы,
 Государевы корабелички безъ примѣтушекъ,
 Безъ Царскаго герба.
 Да возговорилъ нашъ батюшка, православный Царь:
 Ужъ, вы гой еси, князья, бояре,
 И думные мои боярушки!
 Еще что мнѣ дѣлать надъ Ермиломъ,
 Иль казнити, или вѣшати?
 Да возговорилъ одинъ думчій бояринъ:
 Еще мало намъ Ермила
 Казнити вѣшати!
 Да возговорилъ Ермилъ сынъ Тимофѣевичъ:
 Злодѣи бояринъ, не Царскій думчій.
 Безъ суда хочешь меня казнити, вѣшати!
 Богатырска его сила подымалася,
 И Богатырская его кровь разгоралася,
 Вынималъ Ермилъ изъ своихъ ножекъ саблю острую.
 Буйна голова отъ плечъ могучихъ отвалилася
 И по Царскимъ палатамъ покатилася.
 Ермакъ въ бѣдѣ сидитъ, бѣдой крутитъ,
 А думчіе боярушки испугалися,
 Изъ Царскихъ палатушекъ разбѣжалися,
 А Царская хорантина перемѣнялася.

2.

У насъ братцы, на Дону во Черкасскомъ городу,
Проявилась у насъ, братцы, прирощеная *тума*,
Онъ изъ тумъ, братцы, тума Сенька Маноцковъ злодѣй,
Крѣпкой думушки съ стариками онъ не думывалъ;
Думывалъ крѣпкую онъ думушку съ ярыжками.

Перекинулся собака, къ Азовскому пашѣ;

А Азовскій-то паша сталъ его спрашивати:

Ты скажи, скажи пріятель правду истинную:

Что-то думаютъ у васъ, во Черкасскомъ городу?

Да у насъ-то на Дону, во Черкасскомъ городу,

Старики-то пьютъ, гуляютъ по бесѣдушкамъ сидятъ,

По бесѣдушкамъ сидятъ про Азовъ вашъ говорятъ:

Ой недай Боже Азовцамъ ума разума того:

Не поставили-бъ они башеньки на Усть рѣчки Каланчи,

Не перекинули-бы цѣпи черезъ славный тихій Донъ,

Не подвели-бы они струны ко звонкимъ колоколамъ.

Ужъ нельзя намъ, братцы, будемъ во сине море пройтъ,

По синю морю гулять, зипуновъ-то доставать.

Какъ у насъ было на Дону, во Черкасскомъ городу,

Войсковой нашъ атаманъ во всю ночушку неспалъ:

Какъ со вечеру соколъ нашъ Роговья проплывалъ,

Ко бѣлу свѣту соколъ нашъ по синю морю гулялъ,

По синю морю гулялъ, кораблики разбивалъ.

Пѣсни Рус. народа ч. 4 я стр. 243.

3.

У насъ-то было, братцы, на тихомъ Дону,

На тихомъ Дону во Черкасскомъ г. роду,

Породился удалой, доброй молодець,

По имени Степанъ Разинъ Тимофеевичъ.

Во казачій кругъ Степанушка не хаживалъ,

Онъ съ нами, казаками, думу не думывалъ;

Ходилъ гулялъ Степанушка во царевъ кабакъ,

Онъ думалъ крѣпкую думушку съ голудвою.

Сударь мои братцы, голь-кабацкая!

Поѣдемъ мы братцы, на синее море гулять,

Разобьемъ, братцы, басурмански корабли,

Возьмемъ мы, братцы, казны сколько надобно,

Поѣдемте, братцы, въ каменну Москву,

Покупимъ мы, братцы, платье цвѣтное,

Покупивши цвѣтно платье, да нанизъ поплывемъ.

Пѣсни Рус. народа ч. 4-я стр. 286.

4.

Покрай было моря синяго,

Что на устьѣ Дону-то тихаго,

На крутомъ красномъ бережку,

На желтыхъ разсыпныхъ пескахъ

А стоитъ крѣпкой Азовъ городъ

Со стѣною бѣлокаменной,

Земляными разкатыми и рвами глубокими

И со башнями караульными.

Среди Азова города

Стоитъ темная темница,

А злодѣйка—земляная тюрьма;

И во той было во темной темницѣ

Что двери были желѣзные,

А замокъ былъ въ три пуда,

А проби были булатные,
Какъ засовы были мѣдные;
Что во той темной темницѣ
Засаженъ сидитъ Донской казакъ
Степанъ Тимофеевичъ.
Мимо той да темной темницы
Лучилося царю идти, самому царю,
Тому Турецкому Салтану Салтановичу.
А кричитъ Донской казакъ
Степанъ Тимофеевичъ:
«А ты гой еси, Турецкой царь
Салтанъ Салтановичъ!
Прикажи ты меня поить, кормить —
Либо казнить, либо на волю выпустить».
Постоялся Турецкой царь
Салтанъ Салтановичъ:
«А мурзы вы, улановья!
А вы згаркай-те изъ темницы
Того тюремнаго старосту».
А и мурзы, улановья металися черезъ голову,
Привели его уланове они старосту тюремнаго;
И сталъ онъ Турецкій царь
У тюремнаго старосты спрашивать:
«Еще что за человекъ сидитъ?»
Ему староста рассказываетъ:
«А и ты гой еси, Турецкій царь
Салтанъ Салтановичъ!
Что сидитъ у насъ Донской казакъ
Степанъ Тимофеевичъ.
И приказалъ скоро Турецкій царь:
«Вы мурзы, улановья!

Ведите Донскаго казака
Ко палатамъ моимъ царскимъ».
Еще втапоры Турецкій царь
Напоилъ, накормилъ добраго молодца
И тошно сталъ его спрашивать.
«А ты гой еси, Донской казакъ!
Еще какъ ты къ намъ въ Азовъ попалъ?
Разказалъ ему Донской казакъ:
«А и я послалъ изъ Каменной Москвы
Къ тебѣ царю въ Азовъ городъ,
А и посланъ былъ скорымъ посломъ,
И гостинцы дорогіе къ тебѣ везъ;
А на заставахъ твоихъ всего меня ограбили,
И мурзы, улановья моихъ товарищей
Разсадили добрыхъ молодцовъ
И по разнымъ темнымъ темницамъ».
Еще втапоры Турецкій царь
Приказалъ мурзамъ, улановьямъ
Собрать добрыхъ молодцовъ
Стеньки Разина товарищей.
Отпускаетъ добрыхъ молодцовъ
Стеньку въ каменну Москву;
Снарядилъ добраго молодца
Степана Тимофеевича,
Наградилъ златомъ, серебромъ,
Еще питьями заморскими.
Отлучился Донской казакъ отъ Азова города,
Загулялся Донской казакъ
По матушкѣ Волгѣ рѣкѣ,
Не появился въ каменну Москву.

5.

Промежь было Казанью, промежь Астраханью,
 А пониже города Саратова,
 А повыше города было Царицына,
 Изъ тоя было нагорной сторонущки,
 Какъ-бы прошла, протекла Камышинка рѣка,
 Своимъ устьемъ она впала въ матушку Волгу рѣку.
 А по славной было матушкѣ Камышевкѣ рѣкѣ
 Выгребали, выплывали пятьдесятъ легкихъ струговъ,
 Воровскихъ казаковъ;
 А на всякомъ стружечку по пятьдесятъ гребцовъ,
 По пятьдесятъ гребцовъ—воровскихъ казаковъ.
 Заплывали загребали въ Коловинскіе острова,
 Становились, молодцы, во тихихъ заводахъ,
 Погулять они на зеленые луга.
 Разставили майданы Терскіе
 И раздернули ковры Сорочинскіе;
 А играли казаки золотыми они деньгами,
 Кто-де костью, кто-де картами—всѣ удалы молодцы.
 Посмотрятъ молодцы внизъ по Волгѣ рѣкѣ,
 Какъ-бы чернь-то на Волгѣ зачернѣется,
 А идутъ гребные изъ Астрахани.
 Дождались казаки, удалые молодцы,
 Воеводу изъ Астрахани Репнина,
 Князя Данилу Александровича.
 А на что душа рождена, того Богъ и далъ.
 Подошли тѣ гребные въ Коловинскіе острова,
 И бросали казаки они потѣхи всѣ,
 И бросалися во свои легоньки стружки,
 Напушались казаки на гребные струги;

Они всѣ туто торговыхъ перещупали,
 Они спрашиваютъ воеводу изъ Астрахани;
 А то коли онъ съ вами, покажите его намъ?
 А до васъ до купцовъ, удалыхъ молодцовъ, и дѣла нѣтъ.
 Потаили купцы воеводу,
 А прятали его подъ товары подъ свои
 Говорили молодцы, воровскіе казаки:
 А вы сами себѣ враги, за что его сиратывали?
 Обыскали подъ товарами воеводу,
 Репнина князя Данилу Александровича,
 Изрубили его во части мелькія,
 Разбросали по матушкѣ Волгѣ рѣкѣ;
 А его-то госпожу, воеводу жену,
 И со малыми дѣтушками
 Они всѣ молодцы, воровскіе казаки, помиловали;
 А купцовъ молодцовъ ограбили,
 Насыпали червонцами легки свои струги,
 Ношли по Камышевкѣ рѣкѣ.

Пѣсни Рус. народа ч. 4-я стр. 310.

6.

Ахъ, туманы вы, туманушки,
 Вы туманы мои, не проглядные,
 Какъ печаль тоска ненавистныя;
 Изсушили туманушки молодцовъ,
 Сокрушили удалыхъ до крайности!
 Ты взойди, взойди, красно солнышко,
 Надъ горой взойди надъ высокою,
 Надъ дубровушкой надъ зеленою,
 Надъ урочищемъ добраго молодца,

Что Степана свѣтъ Тимофеевича,
 По прозванію Стеньки Разина
 Ты взойди, взойди, красно солнышко,
 Обогрѣй ты насъ, людей бѣдныхъ:
 Мы не воры и не разбойнички,
 Стеньки Разина мы работнички;
 Мы весломъ махнемъ—корабль возьмемъ,
 Кистенемъ махнемъ—караванъ собьемъ,
 Мы рукой махнемъ—дѣвицу возьмемъ.

Пѣсни Рус. народа ч. 4-я стр. 166.

7.

На зарѣ-то было, братцы, на утренней,
 На восходѣ краснаго солнышка,
 На закатѣ свѣтлаго мѣсяца,
 Не соколъ леталъ по поднебесью,
 Ясаулъ гулялъ по пасадику;
 Онъ гулялъ, гулялъ, погуливалъ,
 Добрыхъ молодцовъ побуживалъ;
 Вы вставайте, добры молодцы,
 Пробужайтесь казаки Донски!
 Не здорово на Дону у насъ,
 Помутился славный тихій Донъ,
 Совершивы до Черна моря,
 До Черна моря, Азовскаго.
 Помѣшался весь казачій кругъ;
 Атамана больше нѣтъ у насъ,
 Нѣтъ Степана Тимофеевича,
 По прозванью Стеньки Разина!
 Поймали добра молодца,

Завязали руки бѣлыя,
 Повезли во каменну Москву,
 И на славной красной площади
 Отрубили буйну голову.

Пѣсни Рус. народа стр. 167.

8. ✓

Внизъ-то было по матушкѣ Камышинкѣ рѣкѣ,
 Супротивъ-то было устьяца Самары рѣки,
 Что плыветъ тутъ легка лодочка каломенка,
 Что во той-ли лодочки сидитъ младъ посланникъ царевъ,
 Карамышевъ князь Семень, сударь Константиновичъ,
 Во лѣвой рукѣ держитъ Государевъ указъ.
 Что покругому красному берегу
 Что по желтому сыпучему песочку,
 Что хсдили тутъ гуляли добрые молодцы,
 Добрые молодцы гуляли, все Донскіе казаки,
 Что Донскіе, Гребенскіе, Запорожскіе,
 Да и славные казаки, братцы, Яицкіе,
 Они думали крѣпку думушку за едино,
 Что сказали всѣ словечушко во единый гласъ,
 Становили они пушку, братцы, мѣдную,
 Закатили въ нее ядрышко чугунное,
 Что палили они въ лодочку коломенку.
 Никого они въ лодочкѣ не ранили,
 Только убили одного Царскаго посланника.

Пѣсни Рус. народа ч. 4-я стр. 229.

9.

Подымался съ Москвы большой бояринъ
 Онъ на тихій Донъ Ивановичъ гуляти.
 Не доѣхавши тиха Дона, становился,
 Похвалялся всѣхъ казаковъ перевѣшать.
 Казаки, братцы, тотчасъ догадались,
 Воединой кругъ они собирались.
 Среди круга становился царевъ бояринъ,
 Онъ сталъ читать Государевы указы:
 Дочитался онъ до Царскаго титула,
 Казаки всѣ шапки поснимали,
 А большой Царевъ бояринъ шляпы не снялъ;
 Отъ того казаки взволновались,
 На боярина они бросались,
 Буйну голову его срубили,
 А бѣло тѣло въ тихій Донъ бросили,
 И убивши, тѣлу говорили:
 Почитай ты, Бояринъ, Государя,
 Не гордись ты передъ нимъ и неслався.
 Ко Царю они съ повинной приходили.
 Ты гой еси батюшка православный Царь!
 Ты суди насъ праведной расправой,
 Повели надъ нами дѣлать, что изволишь,
 Ты воленъ надъ нашими буйными головами.

Пѣсни Рус. народа ч. 4-я стр. 238.

10.

Ахъ служили мы на границѣ три годочка,
 Намъ ни вѣсточки, ни грамотки съ Дону нѣту,

Словеснаго челобитьяца намъ не прислано,
 На четвертомъ годочкѣ перепала вѣсточка.
 Не полуночная звѣзда съ небесъ упала,
 А скорая почта прибѣгала
 Ко походному нашему атаману,
 Ко Иванушкѣ Ивановичу Фролову:
 Ужъ ты здравствуй, походный нашъ атаманъ!
 Ужъ ты здравствуй, со походными старшинами!
 Ужъ ты здравствуй, со служащими казаками!
 Какъ у насъ-то на тихомъ Дону не здерове:
 Какъ пріѣхали къ намъ на тихій Донъ все разсылщики
 Во разсылщикахъ были два боярина,
 Безъ указа-то они Государева насъ разоряютъ,
 И они старыхъ стариковъ всѣхъ ссылаютъ,
 Молодыхъ-те малолѣтокъ берутъ во солдаты.
 Отъ того-то нашъ славный тихій Донъ возмутился,
 Возмутился славный тихій Донъ вплоть до Устьица,
 Какъ и дославнаго до города Черкаскаго.

(Пѣсни Рус. народа ч. 4-я стр. 289.)

11.

Возмутился славный нашъ тихій Донъ,
 Возмутился и совершился.
 До славнаго до Устьица,
 До города до Черкаскаго,
 Возмутилъ его Донской казакъ,
 По имени и по отечеству Игнатьюшка Иванычъ,
 По фамильицѣ Некрасовъ;
 Онъ-то ушелъ, увелъ силы рати, сорокъ тысячъ,

Кромѣ стариковъ староженныхъ,
 Опричь малолѣтковъ малолѣтнихъ,
 И отъ тумовъ прироженныхъ.
 Да совечера они собиралися,
 А во полночь они во походъ пошли,
 На бѣлой зарѣ проходили
 Славный тихій Донъ;
 На славную Днѣпръ рѣку они становилися,
 Во чистомъ полѣ и во зеленыхъ лугахъ расположилися
 Казаченьки теплыми лагерями.
 Распускали Царску знамичку позлащеную,
 Собиралися къ знамичку казачій кругъ,
 Во кругу стоитъ хорошенькой раздвижной стулъ,
 На стулѣ сидитъ ихъ молодой атаманушка,
 Игнатьюшка Иванычъ сынъ Некрасовъ.
 Передъ нимъ стоятъ его сотники любимые его;
 Онъ-же пишетъ на скоро граматку,
 Ни перомъ пишетъ, ни чернилами,
 А онъ пишетъ своими горячими слезами,
 Къ графу Долгорукому:
 Ты спасибо, намъ батюшка!
 Поилъ, кормилъ, и берегъ жаловалъ.
 Ты въ одномъ-же на насъ, батюшка прогнѣвался,
 Захотѣлъ старикамъ усы, бороды брить,
 И молодыхъ дѣтей во солдаты брать,
 Ты приѣхалъ къ намъ на тихій Донъ,
 Безъ указу—то насъ разорять сталъ.
 Ужъ мы бросили свое бытне богатство,
 Съ того-то мы со тиха Дона долой пошли,
 Мы пошли къ Турецкому хану въ подданство,
 Онъ принялъ насъ со честію, со славою,

И пожаловалъ намъ по коню, коню хорошему,
 И сѣдельчику Черкасскому.

Пѣсни Рус. народа ч. 4-я стр. 277.

12.

Кто-бы намъ сказалъ, братцы, про батюшку тихій Донъ,
 Про того казачка Игнатку измѣншичка,
 Какъ измѣнилъ онъ служить Царю Бѣлому,
Провѣръ сдѣлалъ нашей государинѣ.
 На вышну взлѣзъ, взялъ Царску знамечку,
 Съ этимъ знамечкомъ за Дунай бѣжалъ,
 Не одинъ бѣжалъ, съ Дону казачковъ увель,
 Не служилыхъ старыхъ, а глупыхъ малолѣточковъ,
 Переправушку имѣлъ онъ на быстромъ броду.
 Не вбредки они брели, все вплывки плыли,
 Знамя Царское на рукахъ несли,
 Переплывши Дунай, во кругъ собиралися,
 Во кругу поставили знамя Царское,
 Приказъ сталъ дѣлать намъ измѣншичекъ:
 «Кидайте казачки вѣру христіанскую,
 Понимайте вѣру басурманскую».
 Малые малолѣточки перепужалися,
 По темнымъ лѣсамъ разбѣжались.
 Одинъ у нихъ стоитъ не полошится:
 «Стойте малые малолѣточки, не пужайтесь!
 По темнымъ лѣсамъ не разбѣгайтесь!
 Мы отрубимъ Игнаткѣ буйную голову,
 Пойдемъ опять служить Царю Петру первому.»

13.

Неясень соколъ леталь поподнебесью,
Донской Есаулъ бѣгалъ по Дону,
Казаковъ—то онъ рѣчью привѣтствовалъ:
«Вы вставайте, добры молодцы,
Господу Богу помолимся:
Да не пусти Господь руки варвара
На Петра Царя Бѣлаго, православнаго
Вы вставайте, други, пробудитесь,
Борзыхъ коней други вы сѣдлайте,
Подъ Азовъ городъ други поѣзжайте,
Ой мы городъ разоримъ съ головы до ногъ,
Много казны возьмемъ, много золота,
Войсковую казну знатно поисправимъ.
Атамана своего семъ да послушаемъ,
Послушаемъ да пойдемъ въ походъ.
Самъ сизой орель пробуждается,
Самъ Петро Царь подымается,
Съ своими князьями, боярами,
Съ своими Донцами,
Съ своими Запорожцами.

14.

Приуныли, приутихли на Дону Донски казаки,
А Яицкіе, Донскіе, Запорожскіе;
А и что казаки уныли?
Приуныли, на Дону Донски казаки,
Да что взялъ у нихъ Государь Царь городъ,

Со тремя съ тѣми со малыми съ пригородками,
А и сославною со Кубаньей, съ крѣпкимъ Лютикомъ.
А во славномъ да въ Черкаскомъ земляномъ городкѣ
А стоитъ у казаковъ золотой бунчугъ,
А на бунчугѣ стоитъ чудень золотъ крестъ,
А передъ крестомъ тудо стоитъ войскової ихъ атаманъ,
А поимени-ли Флоръ сынъ Минаевичъ.
Ко кресту тутъ собирались Донски казаки,
А и Донскіе, Гребенскіе, Запорожки хохлачи;
Становились молодцы во единой войскової кругъ,
Среди круга стоитъ войскової атаманъ,
А поимени-ли Флоръ сынъ Минаевичъ.
Атаманъ рѣчи говорилъ, будто въ трубу трубиль:
«А и вы, братцы, казаки, вы Яицкіе, Донски, За-
порожскіе,
Пособите мнѣ атаману вы думу думати,
Челобитну-ли намъ писати, Государю подавать?
Самому-ли мнѣ атаману въ Москву ѣхати?
Перемирье-бы намъ взять передъ самимъ Царемъ:
Залегли пути дороги за сине море гулять,
Еще отъ вора отъ Васьки съ дѣтьми,
Залегли пути дороги за сине поре,
А и не стало намъ добычи на синемъ морѣ
И на тихомъ Дону на Ивановичѣ».
И поѣхалъ атаманъ въ каменну Москву.
Еще будетъ атаманъ въ каменной Москвѣ,
Поклонился Государю о праву руку,
Сквозь слезы онъ Словечко едва выговорилъ:
«Ахъ, свѣтъ нашъ надежда благовѣрный Царь!
А и грозень, осударь, Петръ Алексѣевичъ!
Прикажи намъ на Дону чѣмъ кормиться?»

Залегли пути дорожки на сине море
 Отъ вора отъ Васьки съ дѣтьми,
 Еще тѣ наши дороги увойныя-ли.
 «Ай гой еси атаманъ и съ Донскими казаками!
 У тебя у атамана есть казачій судъ,
 Если не порядочно живетъ
 Суди правдой потому суду,
 Потому суду, да правому,
 Живи съ казаками на Дону во миру.

Пѣсни Рус. народа ч. 4-я стр. 319.

15.

Приуныло, приумолкло войско Донское,
 Приужаснулась армейюшка Царя Бѣлаго,
 Безъ вѣрнаго служителя Государева,
 Безъ Ивана Матвѣича Краснощекова.
 Взяли Краснощекова въ полонъ Шведы,
 Повели добра молодца къ Левенгаупту.
 Какъ и сталъ его Левенгауптъ спрашивать:
 «Ты скажи, скажи добрый молодецъ не утай ничего:
 «Ты чѣмъ служилъ Царю бѣлому, какъ ты жалованъ,
 «Сотникомъ, полковникомъ или бригадирушкой?»
 Рѣчь возговорилъ Краснощековъ Левенгаупту:
 «Я служилъ Царю Бѣлому ровно тридцать лѣтъ,
 «И не сотничкомъ, полковничкомъ, бригадирушкой.
 «Я служилъ Царю Бѣлому рядовой казакъ».
 Нѣтъ не правду разудалой открываешь мнѣ,
 На тебѣ, младець, управушка не казачая,
 На тебѣ-то управушка командирская,
 Я хочу тебя молодець просить просьбою;

Ты служилъ Царю Бѣлому ровно тридцать лѣтъ,
 Послужи ты Царю Шведскому хотя три года.
 Какъ возговорилъ Краснощековъ Левенгаупту:
 «Ахъ если-бы была при мнѣ сабля острая,
 «Послужилъ-бы я надъ твоей буйной головушкой.
 Пѣсни Рус. народа ч. 4 я стр. 258.

16.

Между Кумъ рѣки, между Тереконъ,
 Между тѣхъ-то, было, трехъ Кумскихъ отноженокъ,
 Тамъ ходилъ, гулялъ удалъ добрый молодець, —
 Младъ Донской казакъ, младъ охотничекъ.
 Заплечами онъ носилъ писчалъ Турку, все винтовочку,
 Долгомѣрную, семипядную, восьмибляшную,
 Въмѣсто цѣлика врѣзанъ у винтовочки бралянтъ камень,
 У винтовочки насѣчка позлаченная,
 У винтовочки подсошечикъ кизилловый,
 На винтовочкѣ какъ написано напечатано:
 Что Иванъ-то, сударь Краснощековъ сынъ.
 Онъ шель-то не стежкою не дорожкой,
 Все тронинкою звѣриною;
 На встрѣчу ему, мать сѣра ланья сы ланятами;
 Какъ раскидываетъ онъ подсошечекъ кизилловый,
 Онъ прикладывается, благословляется:
 «Ты позволь, мать сѣра ланья, по тебѣ стрѣлять,
 «По тебѣ стрѣлять, по твоимъ дѣточкамъ!»
 «Ты меня убьешь, не шубу сошьешь,
 «Лавять побьешь, — не опушишь, —
 «Ты пойдѣ, пойдѣ, младъ Донской казакъ,
 «Младъ Донской казакъ, младъ охотничекъ,

«Въ зелены луга, въ заповѣдныя,
 «Тамъ ходитъ Турчинъ со турчаночкою,
 «Онъ ублажаетъ молодую турчаночку,
 «Забавляетъ въ звончатныя гусельки;
 «Ты турчина убьешь,
 «А турчаночку за мужъ возьмешь.

17.

Какъ во тысяча во семьсотъ во первомъ году,
 Да и шестаго мѣсяца Юня,
 Какъ шестаго на десять во числахъ,
 Какъ во томъ, было во чистомъ полѣ,
 Пролегала тамъ дороженька широкая,
 Долиною пробойная, краю нѣту;
 Какъ по той, по широкой по дорожкѣ,
 Тамъ шелъ, прошелъ Царскій большой бояринъ,
 Кавалеръ Борисъ Петровичъ Шереметевъ,
 Со своимъ онъ со коннымъ эскадрономъ,
 Со своимъ онъ пѣшеходнымъ батальономъ,
 Со своими казацкими полками,
 Со своими Донскими казаками.
 Проходили они на Шведскую границу,
 Во кругъ краснаго мыса становились;
 Казаковъ посылали грабить городъ Илтаворы.
 Они Красный мысъ раззорили,
 Въ полонъ Шведскаго маіора посадили.

18.

Ой заря моя, зорюшка,
 Ты, заря моя вечерняя,

Ты, звѣзда моя восходяя!
 Высоко звѣзда восходила,
 Выше лѣсу, выше темнаго,
 Выше садику зеленаго,
 Выше города Кастрынскаго.
 Надъ Кострынскими воротами,
 Какъ стоялъ тамъ сыръ-зеленый садъ,
 Сыръ-зеленый садъ со вишенкой,
 Ой во томъ-ли во зеленомъ во саду
 Стояла тамъ темная темница,
 Разпроклятая заключевница.
 Подъ ключемъ сидитъ невольничекъ,
 Невольничекъ Россійскій графъ,
 Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ.
 Онъ по темницѣ похаживаетъ
 Рѣзвыя ноженьки уталиваетъ,
 Бѣлы ручушки поламливаетъ,
 Часто въ окошечко посматриваетъ:
 Что не ѣдетъ-ли Прусской король,
 Королевское Величество,
 Со своими бригадирами.
 Случилось королю ѣхати,
 Случилось младцу видѣти:
 «Ахъ, ты батюшка, Прусской король!
 Прикажи, сударь, поить, кормить,
 Прикажи на волю выпустить!
 — Когда будешь королю служить,
 Прикажу поить, кормить,
 Прикажу на волю выпустить!
 — Ой, таланъ, ты, мой худой таланъ,
 Злое несчастье мое горькое!

Знать на роду молодцу написано
И по жребію досталось,
Что сидѣть молодцу во темницѣ,
Въ разпроклятой заключеницѣ,
Знать отъ младости до старости.
На точку-жь я шашку острую,
Перерублю-жь я шею толстую!»!

19.

Лежала дорожка изъ Питера прямо до Черкаскаго.
Пишетъ-то Государыня указъ повторительной,
Чтобъ собрать-то Донское войско во единый кругъ.
Собралъ-то нашъ атаманушка войско Донское воеди-
ный кругъ,
Началъ-то нашъ атаманушка указъ во слухъ читать.
Пишетъ-то наша Государыня, чтобъ выдали ей трехъ
виновниковъ:
Перваго-то виновника—сына Есаулова,
Какъ втораго-то—казака Стародубова,
А и третьяго-виновника—сына Гурьянова.

20.

Отчего тихій Донъ смущается?
Смущается тихій Донъ—отъ генераловъ трехъ:
Отъ перваго Генерала отъ Поповича,
Отъ другаго Генерала отъ Гудовича,
Отъ третьяго Генерала—отъ сына Каменцова.
Каменцовъ сынъ всю ночь не спалъ,
Онъ съ москалями проигралъ;
Ни въ шашечки, ни въ бирюлички, а въ карточки.

Проигралъ онъ славный тихій Донъ,
Проигравши, сѣлъ призадумавшись;
Онъ роняетъ свои слезы на шелкову скатерть:
«Не бывать мнѣ, сыну Каменцову, на Россейшки,
«Не видать мнѣ, сыну Каменцову, отца и матушки,
«Быть мнѣ сыну Каменцову, въ застѣнушкѣ.

21.

Собирались, соѣзжались други Донскіе казаки,
Собирались, соѣзжались во единый кругъ.
Среди круга, среди казачьяго —
— Золотой бунчугъ стоялъ.
Подъ бунчугомъ разостланъ шелковый бранный ко-
веръ,
На ковчечкѣ сидитъ войсковою Донской атаманъ.
Пріѣхали къ атаманушкѣ други Донскіе казаки:
«Хвалятся похваляются за Кубанскаго князя узденя,
Хотятъ они славный тихій Донъ съ верху донизу
пройдти,
Матушку кременну Москву на разоръ ее разорить;
Просятъ они атаманушку на веселый пиръ гулять.
«Унась есть для тебя пойище, разнопьяное вино;
Закусочка изготовлена, очень мягко спечена,
Не гнѣвайся, атаманушка, что зачерствѣла, зацвѣла.

22.

Не ясенъ-то соколъ по Крутымъ горамъ летаетъ,
То Костюшко, варваръ, по своей армейшкѣ разъ-
ѣзжаетъ,
Онъ фронты-то свои, знаменушки украшаетъ,

Своихъ мызничковъ, генералушекъ ублажаетъ:
 «Вы не плачьте-же, мои мызнички, право, генералы,
 Не рыдайте-жь вы, мои свирѣбые кавалеры!
 Какъ завтра у Бѣла-Царя будетъ праздникъ,
 Не маленькій праздникъ, праздничекъ Петровъ день;
 Всѣ рынушки, трактирушки будутъ растворены;
 Всѣ гусарушки, всѣ уланушки будутъ пьяны;
 Казаки наши Донецкіе всѣ загуляютъ».
 Какъ на тотъ-то разъ казаки—други были осторожены,
 Всю ночушку казаки други не спали,
 Во рукахъ во своихъ борзыхъ коней продержали,
 На бѣлой-то зарѣ, на утренней ура закричали,
 Закричали, они загичали, Костюшку поймали;
 Да велѣли-жь его, Костюшку на крѣпко связать;
 Приказали у него скоро допросъ добросить!

23.

Какъ во той-то было, во французской земелюшкѣ,
 Провидся тамъ с..... враг. — Наполеонъ король.
 Сбиралъ онъ себѣ армейошку по разнымъ земе-
 люшкамъ,

Нагружалъ онъ свои галерушки разными товарами:
 Какъ да и тѣми было товарами, свинцомъ порохомъ.
 Да и пишетъ онъ газетушку Царю Александрюшкѣ:
 «Какъ прошу я тебя, Александра Царь, прошу не-
 погибваться.

«Изготовь ты мнѣ фатерушки въ самой кременной
 Москвѣ,

«А мнѣ, королю французскому, Царскія свои пала-
 тушки».

На стулу то сидитъ Александра Царь, — очень при-
 задумался

Его Царская персонюшка въ лицѣ перемѣнялася.
 Передъ нимъ стоитъ генералушка — самъ Кутузовъ
 князь:

«Ты небось, небось, Александра Царь, да не пугайся ты!
 «Какъ мы встрѣнимъ его в..... врага, среди путя;
 «Мы яствице приготовимъ ему—бомбы съ ядрами,
 «А другое отошлемъ ему—пушки съ лафетами,
 «На закусочку подидимъ ему славную чиненочку».

Его войны сы знаменами назадъ воротилися.
 Какъ на ту пору нашъ Александра Царь крѣпко воз-
 радовался;

Закричитъ-то, возгласитъ Александра Царь своимъ
 громкимъ голосомъ:

— «Постарайтесь, мой дѣточки, казаки военные!
 Какъ да и буду я васъ жаловать много кавалерами,
 Большую часть буду жаловать офицерами,
 И отпущу васъ, мои дѣточки, на славный тихій Донъ».

24.

Ни двѣ тучюшки, ни двѣ грозныя вмѣстѣ выходилися,
 Двѣ армейюшки превеликія вмѣстѣ сыбзжались:
 Французская армейюшка съ Россійскою.

Какъ французская россійскую очень призабидѣла.
 Ни ямень соколь по крутымъ горамъ, соколикъ по-
 летываль:

Александра-Царь по армейюшкѣ конемъ рѣзко бѣ-
 гаетъ (*);

(*) Бѣгаетъ вмѣсто скачетъ.

Онъ журить, бранить Россійскаго *повелителя* (*)
 — «Мы нашто, прошто сами худо сдѣлали,
 Для чего-же мы покинули сзади полки Донскіе!»
 Не успѣлъ-бы нашъ Александра Царь слово молвити,
 Сы правой руки, сы старонушки бѣгутъ полки Донскіе;
 Нанередъ у нихъ выбѣгаетъ Платовъ—Генералушка;
 Обнажемши вострую сабельку, ее на голо держалъ.
 Приложили восдрья пики ко чернымъ гривамъ,
 Закричали, загичали сами на ударъ пошли.
 Тутъ французская армеюшка очень потревожилась,
 Бонопартскія знаменушки назадъ воротилися.
 Какъ во ту пору Александра Царь очень много ра-

довался;
 Называетъ онъ Донскихъ казаковъ всѣхъ кавалерами,
 А урядниковъ называетъ всѣхъ офицерами,
 Офицерушковъ называетъ маіорушками,
 Маіорушковъ называетъ полковничками, —
 А полковничкевъ называетъ генералушками. —

25.

Сы подъ лѣсу, лѣсу было темнаго,
 Сы подъ садику съ подъ зеленаго,
 Не бѣлаи заря зан мается,
 Солнце красное выкатается;
 Выкаталося солнышко противъ мѣсяца,
 Какъ и солнышко съ мѣсяцемъ поспорило:
 Ты свѣти, ты свѣти, батюшка свѣтель мѣсяцъ,
 Не поновому, а по старому!
 Какъ у насъ было во святой Руси

(*) Главкомандующій.

Въ кременной Москвѣ, во соборѣ было Митривскомъ,
 Въ предѣлѣ было во Миколивскомъ,
 Стоитъ-то стоитъ кипарисный гробъ,
 Во гробу лежитъ тѣло бѣлое,
 Тѣло Царское Государское.
 А вокругъ гроба три подсвѣчника,
 На часахъ стоитъ младъ Донской казакъ малолѣточекъ,
 Стоитъ-то онъ трое сутокъ,
 Стоитъ-то онъ не смѣняется,
 На восходъ солнышка Богу молится:
 Ты создай, Боже, тучу грозную
 Размочи-же ты матушку сыру землю,
 Расколи-же ты гробову доску;
 Ты встань, ты встань, православный Царь Алек-
 сандра Павловичъ!

Погляди, посмотри на свои войска Донскія,
 Во строю стоятъ обучаются,
 Нанихъ платица ровно жаръ горять,
 Нанихъ шапочки ровно маковъ цвѣтъ.
 Безъ тебя-то, Царь, служба похужила
 Познобили насъ зимою холодною,
 Поморили насъ смертию голодною».

26.

На зарѣ-то, было, все на зорюшкѣ,
 На бѣлой зарѣ, на утренней,
 На закатѣ было мѣсяца яснаго,
 На восходѣ была солнца краснаго,
 Проявились у насъ вѣсти новыя,
 Вѣсти новыя, Грузинскія;

Растворялись горы крутыя,
 Круты горы Кавказскія;
 Засверкали пики вострыя,
 Пики вострыя, казацкія.
 Какъ пашли войска Россійскія
 На того Шаха Персидскаго.
 Напередидеть Гудовичъ Графъ,
 Онъ грозитъ Шаху Персидскому:
 «Ты, с...а, ты, Персидскій Шахъ!
 Ты гошто отрѣзалъ голову
 Славному Князю Цинціанову?
 На кого ты, с...а, понадѣлся?»
 «Я понадѣлся на Грузію, на Грузинскихъ князей,
 Больше всего на Александрюшку, на Царевича».

27.

На линіи было на люнеюшкѣ,
 На славной было на сторонюшкѣ,
 Тамъ построилась новая редуточка,
 Во этой во редуточкѣ стояла командушка,
 Команда казацкая.
 Во той во командушкѣ приказнымъ былъ Агуреевъ
 сынъ.
 За педѣлюшку у Агуреева сердечушко нечуяло,
 За другую стало сказывать,
 Какъ за третію за недѣлюшку вѣщевать стало.
 Наѣхали гости не званые, не прошенные,
 Стали бить и палить во редуточку,
 И повыбили всю командушку казацкую.
 Агуреевъ сынъ ходитъ похаживаетъ,

Свои бѣлыя ручушки поламливаетъ,
 Буйной головушкой покачиваетъ.
 «Вы сами, ребятушки, худо сдѣлали,
 Не поставили караула, сами спать легли.
 Не бывать намъ, ребятушка, на тихомъ Дону,
 Не видить намъ, ребятушки, своихъ женъ дѣтей,
 Не слышать намъ, ребятушки, звону колокольнаго!

28.

Да за славною за рѣкою за Кумою,
 Подъ крутыми, подъ Бештовыми подъ горами,
 Стояла тамъ бѣлокаменная дугеня,
 Во дугени сидитъ младъ Черкесской князь Богоматовъ,
 Передъ нимъ стоитъ младъ Донской казакъ неволь-
 ничекъ,

Да нетакъ-ли невольничекъ слезно плачетъ,
 Ретивымъ сердцемъ невольничекъ въздыхаетъ,
 Онъ про батюшку тихій Донъ вспоминаетъ;
 Богоматовъ князь невольничка утѣшаетъ:
 «Ты не плачь, не плачь, молодой Донской неволь-
 ничекъ! —
 «Отпущу я тебя, невольничка, на тихій Донъ,
 «Поклонися ты, невольничекъ, всему войску Донскому,
 «А еще поклонись войсковому атаманюшкѣ.

29.

За славной то было за рѣчюшкой быстрымъ Дунаемъ,
 Собиралась тамъ наша армеюшка;
 Повелителя у ней былъ самъ Каменскій Графъ,
 У Турецкой было армеюшки Паши Мурзы.

Пишетъ Паша Мурза ко Графу Каменскому:
 «Прошу тебя Каменскій Графъ непрогнѣ аться;
 Ты зачѣмъ зашелъ завелъ армию Россійскую,
 Я солдатъ драгунъ повырублю,
 А Донскихъ-то казаковъ во полонъ возьму,
 Со Донскими казаками я служить пойду».
 А Каменскій-то Графъ во отвѣтъ ему:
 «Врешъ ты, Паша Мурза, облыгаешься,
 «Небылыми рѣчьми забавляешься;
 «Не поймавши гуся сѣраго, ты щипать сталъ.
 «Я твою-то братію повырублю,
 «А съ тебя-то кожу сниму, соломою набью».

30.

На ровной площади, на большой полянѣ,
 Стоялъ тамъ второй Тацынъ полкъ,
 Стоялъ три недѣлюшки;
 На четвертой-то на недѣлюшкѣ приказъ они получили:
 Да итить-то полку Тацыну подѣ Шумной городъ.
 Не пошелъ-то молодой полковничекъ большой дорогой,
 Онъ пошелъ, молодой полковничекъ, крутыми горами,
 Онъ крутыми-то горами, большими лѣсами,
 Среди-то было пути, среди дороженьки несчастъице
 случилася:
 Какъ не черные-то вороны изъ лѣсовъ со леталися,
 Турки храбрые изъ закрутыхъ горъ на Тацына на-
 падали.
 Тутъ-то мои малолѣточки дюжа перепужалися,
 По темнымъ-то лѣсамъ они разбижалися.

Кричить-то кричить молодой полковничекъ своимъ
 громкимъ голосомъ:
 «Ужъ вы стойте, мои малолѣточки, стойте неробѣйте,
 «Государева свинцу пороха не жалѣйте!»
 Пробилъ-то бы, пробилъ молодой полковничекъ двѣ
 заставы,
 На третьей-то на заставѣ самъ головушку сложилъ».

31.

Что это за диво, за диковинка?
 Отдаютъ нашу армеюшку неприятелю Королю Прус-
 скому.

Шла прошла наша армеюшка подѣ Познанъ городъ;
 Онъ всю нашу армеюшку прездравствовалъ,
 Штабушкамъ, офицерушкамъ онъ честь воздалъ
 И Донскимъ казакамъ онъ приказъ отдалъ,
 Чтобъ были мы приубраны, приубраты,
 Чтобъ ружья были чисты, сабли остры.
 Заутра будетъ у насъ батальица генеральская
 Съ невѣрными французами, съ басурманами.
 Они билися рубилися день до вечеру,
 Осеннюю ночушку до бѣлой зари.
 Не бѣлые гуси съ моря подымалися,
 Донскіе казаки идутъ со батальицы.

32.

Въ полѣ шляхъ дороженька пролегала
 Не широкая, въ длину конца края не было;
 Какъ на этой на дороженькѣ собирались всеѣ други,

Какъ Донскіе, Гребенскіе, и Яицкіе.
 Собирались они, братцы, во единый другъ,
 Избирали они себѣ атаманушковъ.
 Не золотая трѹбушка — вострубила
 Не серебрянная жалобно заговорила,
 Какъ возговорить надежда православный Царь:
 «Кого пошлемъ на Шведскую границу,
 Кого пошлемъ взять Шведскую заставу?
 Ч.....ва послать—недослаться,
 С.....ва послать—недождаться,
 А пошлемъ мы Донскаго Генерала
 Съ славными Донскими казаками,
 Донскіе казаки службу знаютъ,
 И приказъ весь мой исполняютъ.»

33.

На желтомъ разсыпчатомъ песочкѣ
 Раскинуты бѣлые шатры стоятъ,
 У бѣлыхъ шатровъ верхніе маковки золотые
 Подзоренки-жемчужные, а поджатынцы шелковые.
 Стоитъ среди шатра разметно стуло золотое,
 На стулечкѣ сидитъ Саксонъ Король земли Шведской
 Передъ нимъ стоятъ два думчіе Сенаторушки.
 Какъ возговорить Саксонъ Король своимъ громкимъ

голосомъ:

«Ой! вы думчіе мои Сенаторушки! сдѣлайте мнѣ *вашу*
шурею,

Поставьте солдатъ, драгунъ во карею
 А славныхъ Донскихъ казаковъ во линею».
 Саксонъ Король изволить прогуляться

проѣзжаетъ онъ всѣ кареи
 ъѣзжаетъ до казачей до линеи.
 У линеюшки Саксонъ Король становился
 онскимъ казакамъ удивился:
 Что это у Бѣлаго Царя за люди?
 У нихъ бороды большіе окладные:

.....

У нихъ жалованье не большое
 противъ моего въ годъ третное.

34.

Понапрасну моя буйная головушка пропадаетъ!
 Безъ вины-то мое сердце отвѣчаетъ!
 Нанесли на сына Ефремова славушку несносную,

 И за то на меня Государь прогнѣвался....
 Посадили меня молодца въ темную темницу, въ тюрь-
 му заключевницу!
 Только я не годъ въ тюрьмѣ сидѣлъ и не два года
 Сидѣлъ ровно тридцать лѣтъ.
 Люблѣла моя буйная головушка!
 Изныло мое ретивое сердечушко!
 При счастіи при бесѣдушкѣ друзейъ братьевъ много,
 При горѣ, при кручинѣ друзейъ братьевъ нѣту:
 Всѣ-то отъ меня, Степана Ефремова, отступилися;
 Всѣ думчіи старшинушки въ совѣтъ нейдутъ,
 Только одна молодая жена, Меланья Карповна, не от-
 ступилася;

Пишетъ она бѣлую грамотку своею горючей слезой,
Припечатываетъ ее своимъ крѣпкимъ разумомъ.

35.

Пишетъ, пишетъ Султанъ Турецкій Царю Бѣлому,
И хочетъ Султанъ Турецкій Русскую землю взять:
«Отберу я всю Русскую землю
Въ Кременну Москву стоять пойду,
Поставлю своихъ благовѣровъ по купеческимъ домамъ,
А самъ я, Турецкій Султанъ, стану въ Николаевскомъ дворцѣ».

Затужился, загоревался Александрюшка,
И пошелъ въ кручинѣ по Кременной Москвѣ.
И сталъ спрашивать нашъ Александрюшка посланца
Турецкаго Маіорина:
«Ты скажи, скажи, Маіоринъ, всю правду,
Много-ли вашей силушки Турецкой собралось?
«Сорокъ тысячъ баталіоновъ, а эскадроновъ смѣтъ
нѣтъ»!

Тутъ его Царская персонушка съ лица измѣнилася
Его бѣлые руки и ноги подломилися.
Тутъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ приподнялся,
И возговорилъ онъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Врешь, ты врешь, Маіоринъ, облыгаешься,
Ты Маіоринъ дюжа выхваляешься,
Я вашей силушки небоюся,
И во славный Царь-градъ уберуся.
«Ты небойся, нашъ Православный Царь!
«Встрѣчать его пошли гренадерюшковъ,

Подбивать его заставъ кононерушковъ,
Столь поставъ изъ мѣдныхъ пушечекъ
А скатерти постели все лафетушки,
Закусочки имъ поставъ—мелкіе пудечки,
А провожать ихъ пошли Донскихъ казаковъ».

I

Б. ПЪСНИ УДАЛЫЯ И ВОЕННЫЯ.

1.

Еще что же вы, братцы, призадумались,
 Призадумались, ребяташки, закручинились?
 Что повѣсили свои буйныя головы,
 Что потушили очи ясны во сыру землю?
 Еще ходимъ мы, братцы, не первый годъ,
 И мы пьемъ, ѣдимъ на Волгѣ все готовое,
 Цвѣтно платье носимъ припасеное;
 Еще-ли лихъ на насъ супостатъ злодѣй,
 Супостатъ злодѣй, воевода лихой;
 Высылаетъ изъ Казани часты высылки,
 Высылаетъ все высылки стрѣлецкія,
 Они ловятъ насъ, хватаютъ добрыхъ молодцовъ,
 Называютъ насъ ворами, разбойниками.
 И мы братцы, вѣдь, не воры не разбойники,
 Мы люди добрые, ребята все по волжскіе;
 Еще ходимъ мы по Волгѣ не первой годъ,
 Воровства и грабительства довольно есть.

(Пѣсни Русскаго народа ч. 4 стр. 158.)

2.

Что пониже города было Саратова,
 А повыше было города Царицына,
 Протекала, пролегала мать Камышенка рѣка;
 Какъ собой она вела круты красны берега,
 Крыты красны берега и зеленые луга;
 Она устьицемъ впадала въ Волгу матушку рѣку;
 Что потой-ли быстринѣ, по Камышенкѣ рѣкѣ,
 Какъ плывутъ тутъ выплываютъ два снарядные стружка,
 Хорошо были стружечки изукрашены,
 Они копыями, знамены, будто лѣсомъ поросли;
 На стружкахъ сидятъ гребцы удалые молодцы
 Удалые молодцы, все Донскіе казаки,
 Да еще же Гребенскіе, Запорожскіе;
 На нихъ шапочки соболы, верхи бархатные,
 Еще смурые кафтаны кумачемъ подложены,
 Астрахански кушаки, полуселковые,
 Пестрядинныя рубашки съ золотымъ галуномъ,
 Что зеленъ сафьянъ сапожки, кривые каблуки,
 И съ зачесами чулки, да всѣ гарусныя;
 Они веслами гребутъ, сами пѣсенки поютъ;
 Они хвалятъ, величаютъ православнаго Царя,
 А бранятъ они, клянутъ воеводу,
 Что съ женою, и съ дѣтьми и со внучатами
 Заѣдаетъ воръ собака наше жалованье,
 Кормовое, годовое, наше денежное;
 Да еще-же не пускаетъ насъ по Волгѣ погулять:
 Въ низъ по Волгѣ погулять, съ дунайнаго воспѣвать.

(Пѣсни Рус. народа ч. 4.)

3.

Да покрай моря синяго, на усть батюшки Дона тихаго,
Тамъ стояла избушечка, малымъ мала таволжаная,
Да покрыта эта избушечка рытымъ бархатомъ,
Всѣ стѣночки у ней погребцовскими сукнами устланы,
Позлащенными гвоздичками они позаприбиты,
Да и столики стоятъ дубовыя ноженки,
Всѣ проножечки изъ слоновыхъ костей.
Да никто къ этой избушечкѣ съ роду не закахиваль,
съ роду не заѣзживаль.

Случилось ѣхать самому-то Царю Петру Первому,
Со любимыми-то казагами своими, со гвардейскими.
Захватили въ этой избушечкѣ добра-молодца,
Его разобутаго, его разодѣтаго, въ одной его во Чер-
кесочкѣ

У черкесочки рукавчики позасучены
Басурманскою кровью позабрызганы.
Стали добраго молодца спрашивать:
«Ты скажи, добрый молодець, чѣмъ Царю служилъ?»
— Я не сотничкомъ, не полковничкомъ,
А на синемъ морѣ былъ охотничкомъ».

4.

Какъ леталь-то, леталь сизой Орель по крутымъ го-
рамъ,

Леталь орель, самъ состарился;
Пробивала у него сѣдинушка между сизыхъ крыль,
Побѣлѣла его головушка, ровно бѣлый снѣгъ.
Залеталь-то залеталь младъ сизой орель

Не въ свою землю, во тою-то земелюшку во Фран-
цузскую,
Въ той-то было во компаньцѣ во богатырской.
Что это за дива за диковинка?
Не пыль-то со курою подымалася, не сине море вско-
лыхалоса,
Тамъ бѣжитъ-то, выбѣгаетъ Индрикъ звѣрь,
На Индричку на шерсточкѣ сиво-желѣзный цвѣтъ,
На Индричку сѣдельце все черкеское,
На сѣделечкѣ стременочки позлащенные,
На Индричку копыта все булатные.

Притупѣли у орла когти острые,
Ощипались у него крылья быстрыя.
Налетали на орла черны вороны,
Да терзали они его сиза орла.
«Эхъ не прежняя-то моя полеточка орлиная,
Да не прежняя моя ухваточка соколиная,
Разбилъ-бы я черныхъ вороновъ всѣхъ по перышку,
Да разнесъ-бы ихъ по дубровушкѣ!»

5.

Какъ ты батюшка, славный тихій Донъ,
Ты кормилецъ нашъ Донъ Ивановичъ:
Про тебя лежитъ слава добрая,
Слава добрая, рѣчь хорошая.
Какъ бывало ты все быстеръ бѣжишь,
Ты быстеръ бѣжишь все чистехонекъ,
А теперь ты, кормилецъ, все мутенъ течешь,
Помутился ты Донъ, съ верху до низу.

Рѣчь возговорить славный тихій Донъ:
Ужъ какъ-то мнѣ все мутну не быть,
Распустилъ я своихъ ясныхъ соколовъ
Ясныхъ соколовъ, Донскихъ казаковъ,
Размываются безъ нихъ мои круты бережки,
Высыпаются безъ нихъ косы желтымъ пескомъ.

6.

Ахъ ты, батюшка воеводушка!
Ты за что на насъ прогнѣвался?
Или сдѣлали тебѣ измѣнушку,
Измѣнушку, перемѣнушку?
Ты зачѣмъ у насъ коней побралъ,
Ты коней побралъ, по полкамъ роздалъ,
Ты по тѣмъ полкамъ по гусарскимъ?
Ты полковничка у насъ разжаловалъ,
Есаулушковъ на часы ставилъ;
Аль мы въ чемъ тебѣ прослужилися?
Я за тѣмъ у васъ коней обралъ,
Я коней обралъ, по полкамъ роздалъ,
А на всѣхъ полкахъ кони выпали,
Генералушки всѣ приопѣшали,
Кононерушки пѣшкомъ идутъ,
Они ляпочки на плечахъ несутъ,
А орудія на себѣ везутъ.

Пѣсни Русс. народа ч. 4-я стр. 288.

7.

Ни травушка ковылушка къ землѣ клонится,
Государева армейюшка Богу молится;

Помолемшись, наша армейюшка на конь садилася.
Закричали загичали сами на ударъ пошли,
На тую-то они на орду, на орду Турецкую.
Они билися, рубилися день до вечеру,
Осеннюю темную ночушку до бѣлой зари.
Несчастьеце надъ Донскими-то случилася:
Убили въ полку что нилучшаго хорунжаго.
Уронилъ онъ свою хоруночку на сыру землю,
Онъ и самъ-то упалъ къ коню на черну гриву.
Ни ямень-то соколъ надъ бѣлымъ тѣломъ возвивается,
Возвивается, убивается его родный братъ.
«Ахъ ты братецъ, мой братецъ родимый мой!
«Кабы я-то былъ съ тобой въ одномъ полку,
«Замѣнилъ-бы я твою смерточку животомъ своимъ,
«Животомъ своимъ, родный братецъ мой, грудью бѣлою
«И сходилъ-бы я добрый молодецъ за ключевой водою;
«Промылъ-бы твои ранушки все кровавыя,
«Приложилъ-бы я твои ранушки зеленой травой,
«Умоталъ-бы я твои ранушки платкомъ шелковымъ».

8.

Пишетъ, пишетъ Потемкинъ князь къ Исаеву,
Чтобъ былъ готовъ Исаевъ въ легкую партію.
Позамедливши немножко, онъ еще прислалъ
Къ любимому Есаулу Филипу Ивановичу Араканцеву,
Чтобъ взялъ онъ казаковъ изъ семи полковъ что не
лучшихъ;
Шолъ прошолъ Араканцевъ подъ Бендеръ городъ,
Не дошедши до Бендеръ, Араканцевъ становился,
Потревожилъ онъ всю армейюшку Турецкую,

Потревоживши армеюшку, на отводъ пошоль.
 Тутъ-то Араканцева больно ранили.
 И падаетъ Араканцевъ коню на черну гриву
 А съ черной гривы на сыру землю
 Съ сырой земли Араканцевъ подымается
 На любимыхъ своихъ станичниковъ оглядается
 На острую-то свою саблю опирается:
 «Ой вы станичники мои любимые!
 «Подведите ко мнѣ коня моего черногриваго.

9.

На зарѣ было да на зорюшкѣ,
 На восходѣ солнца краснаго,
 На закатѣ мѣсяца яснаго.
 На широкой было на площадѣ
 Тамъ стоялъ полкъ Кутейниковъ.
 Во полку служилъ младъ Донской казакъ,
 Станицы Березовской, Горемькинъ сынъ;
 Служилъ онъ ровно три года;
 Не отслужилъ за Дунай бѣжалъ;
 Перебѣжалъ онъ Дунай—тужить плакать сталъ:
 Сторона ты моя сторонушка,
 Прошелъ тебя я всю въ конецъ.
 Ни нашель ни стца, ни матери,
 Ни роду своего ни племени;
 Только нашель Царевъ кабакъ,
 Во Царевомъ кабакѣ сидятъ Донскіе казаки,
 Тамъ сидятъ они пьютъ гуляютъ;
 Во кабакъ я ишолъ—какъ макъ цвѣтеть
 Изъ кабака вышелъ—какъ мать родила...

«Мамушка, моя родимая мамушка!
 Зачѣмъ ты меня, горькаго пьяницу, на свѣтъ породила;
 Лучшебъ ты меня на роду придавила,
 Чѣмъ ты меня на свѣтъ пустила.

10.

И сказали люди пронашего сиротинушку,
 Что его въ живѣ нѣтъ,
 Да явился онъ, сиротинушка, въ городѣ во Черкаскомъ,
 По городу-то нашъ сиротинушка пьетъ гуляетъ,
 Во звончатныя гусли играетъ,
 Родимую матушку вспоминаетъ:
 «Родимая моя матушка!
 На что ты меня породила,
 «Лучшебъ ты меня на роду придавила.
 Написали нашего сиротинушку
 Безъ очереди на службу;
 Какъ и кто-то его провожать будетъ?
 Провожаютъ его, нашего сиротинушку,
 Добрыя люди, ближніе сосѣди.

11.

Находила туча темная
 На силушку Царя Бѣлаго.

 А ты поле чистое Турецкое,
 Мы когда тебя поле пройдемъ,
 Всѣ бугры твои дороженьки,
 Всѣ мѣста твои прекрасныя,
 Города твои проклятыя.

Черезъ гору перевалимся,
Мы сойдемсе съ неприятелемъ,
Съ Турецкимъ большимъ корпусомъ.
На Турецкій большей праздничекъ
Турки пьяно напивались,
Сы похмѣлья выхвалялися:
Мы Россіюшку на скрость пройдемъ,

12.

Какъ ходилъ гулялъ младъ Засоринъ воръ.
Не одинъ-то ходилъ, онъ ходилъ со братцомъ ковалечкомъ.

Онъ ходилъ-то гулялъ по займищу;
По утру-то рано онъ молодецъ вставалъ,
Да холодной росой молодецъ умывался,
Шелковымъ-то платкомъ молодецъ утирался,
На восходъ-то солнца онъ Богу молился.
Помолемши Богу, молодецъ поклонился:
«Ты прости, прощай славный тихій Донъ!»

13.

Изъ города было изъ Черкаскаго,
Изъ походной было канцеляріи,
Выходила тамъ бѣлая грамота,
И шла-то она вверхъ по Дону
Во станицу—было Верхнюю-Михалевскую,
Кы молоденькому кы полковничку,

Кы Петру-то сыну Араканцеву,
Чтобы выслали его въ войско Донское.
На зарѣ-то было, на зоринькѣ,
На восходѣ было солнца краснаго;
Не ямень-то соколь себѣ гнѣздо свивалъ,
Молодой-то полковничекъ себѣ коня сѣдлалъ,
Не ямень-то соколь сы гнѣзда слеталъ,
Молодой полковничекъ съ своего двора сѣзжалъ;
Онъ на восходѣ-то солнца Богу молится,
Съ отцомъ, матерью прощается.)

14.

Какъ за рѣчушкою за Кубанушкою
Тамъ ходилъ да гулялъ добрый молодецъ,
Младъ Донской казакъ.
Онъ ходилъ гулялъ, все коня спасалъ,
Самъ огонь крысаль шашкой вострою,
Разводилъ раздувалъ полынь-травушкой
Онъ грѣлъ, согрѣвалъ ключеву воду,
Обливалъ обмывалъ раны смертныя.
«Ужъ вы раны мои, раны кровью изошли.
Тяжелымъ тяжело къ ретиву сердцу пришли».
Умиралъ помиралъ добрый молодецъ,
Младъ Донской казакъ малолѣточекъ
На чужой дальней на сторонушкѣ,
Среди стени во темной ночи,
Отъ тяжелыхъ ранъ, отъ Черкескихъ пуль,
Все за батюшку Царя Бѣлаго.

15.

Не сизые орлы къ ясну соколу солеталися,
 А Донскіе полки нашей армеюшки вмѣстѣ собиралися:
 Кого-бы намъ послать со бумагами,
 Со бумагами послать по всей арміи?
 Хвалился нашъ генераль Донской:
 Есть у меня на тихомъ Дону слуги вѣрныя,
 Соколы залетныя, орлы поднебесныя,
 Сѣдлайте, Донскіе казачки, своихъ добрыхъ коней,
 Поѣзжайте въ чисто поле, распровѣдуйте:
 Отчего это въ чистомъ полѣ потревожилось?
 Потревожилась наша армеюшка отъ большихъ господъ,
 Отъ большихъ господъ, отъ князей бояръ.

16.

Воздалече то было, во чистомъ полѣ,
 Пролежала тамъ дороженька не широкая,
 Шириною та дороженька на три ступеня,
 Длинною та дороженька конца края вѣтъ.
 Какъ по той-то было по дороженькѣ
 Никто иѣшъ ни хаживаль,
 Ни иѣшаго ни коннаго слѣду прежде не было.
 Проходилъ по дорсженькѣ казачій полкъ,
 За полкомъ то бѣжить душа добрый конь
 Онъ Черкеское сѣделичко на боку несетъ
 А тесмянное уздѣчъко на правомъ ухѣ висить
 Шелковы поводицы ноги путають
 √ За нимъ-то гонить младъ Донской казакъ
 Онъ кричить то своему ковию вѣрному:

Ты стой, подожди, душа вѣрный конь,
 Ни покинь ты меня одинокова
 Безъ тебя неуйтить отъ Чеченцовъ злыхъ.

17.

Ты поле мое поле чистое!
 Ты раздолье мое, ты широкое!
 Ничего ты поле не породило,
 Породило поле кустъ ракитовой.
 Какъ подъ тѣмъ кустомъ, подъ ракитовымъ,
 Тамъ лежитъ-то убитъ добрый молодець,
 Младъ Донской казакъ малолѣточикъ.
 Онъ ни въ смерть то убитъ, больно раниной,
 Во широкую грудь сквозь прострѣленный.
 Передъ нимъ-то стоитъ его вѣрный конь,
 Онъ бьетъ копытомъ во сыру землю,
 Онъ будить своего хозяина:
 Ты встань, пробудись добрый молодець,
 Ты хозяинъ мой, младъ Донской казакъ!
 Ты садись на меня слугу вѣрнаго;
 Понесу я тебя да на тихій Донъ.
 Какъ коню-то младець рѣчь возговорилъ:
 Ужъ ты конь ты мой конь, товарищъ вѣрный мой
 Не поднять ужъ тебѣ добра молодца!
 Ты отбей, оторви шелковой чумбуръ
 И бѣжи ты мой конь да на тихій Донъ,
 На зеленой долъ на широкой дворъ.
 Ко отпу матери, роду племени
 Ты письмо отдай;
 Молодой женѣ ты рѣчью скажи,

Что женился я на другой женѣ, гробовой доскѣ,
Засватала меня сабля вострая Турецкая,
Обвѣнчала меня пуля свинцовая,
Положило спать ядро чугунное.

18.

На горѣ, горѣ, полугорѣ
Стояла корчма, корчма польская,
Корчма польская—королевская,
Какъ во той во корчмѣ
Да два молодца пьютъ,
Полякъ да казакъ.
Полякъ водку пьетъ,
Дукаты кладетъ,
Казакъ водку пьетъ,
Ничего не кладетъ,
Шинкарку манетъ:
«Да поѣдемъ, шинкарочка,
Къ намъ на тихій Донъ.
Какъ у насъ на Дону
Не по вашему:
Не ткуть, не прядутъ,
Хорошо *ходятъ*».
Прельстилась шинкарочка
На казачьи слова,
И садилась шинкарочка
Ковню за бедра.
Да повезъ онъ шинкарочку
Во темны лѣса.
Повѣсилъ шинкарочку

Онъ на сосенку.
Зажегъ казакъ сосенку,
Снизу до верху.
Сосенка горитъ,
Шинкарка кричить:
«Да Донскіе казаки
Всѣ обманщики»!
«А вотъ тебѣ, шинкарочка,
Да нашъ тихій Донъ.

19.

Ой, ты корчма Польская—королевская!
Ой, во той корчмѣ жидовка вдова,
А у той вдовы дочь Хайка была.
Пріѣзжаетъ къ Хайкѣ младъ Донской казакъ:
—Ой Хайка, Хайка, поѣдемъ съ нами,
Поѣдемъ съ нами, съ Донскими казаками!
«Ой ты, милый м ѡ, не въ пору ѣдешь,—
Пріѣзжай ты милый, во субботній день:
Моя маменька до школы поидетъ;
Пригоняй ты милой три подводушки».
На первомъ возу перины лежатъ,
На другомъ возу—злато серебро,
А на третьемъ возу молодые сидятъ.
Пришла мать изъ школы:
«Ой Хайка, Хайка! что ты сдѣлала?—
Раззорила въ конецъ мою ты корчму;
Ой Хайка, Хайка, вѣрнися.
Ой Хайка, Хайка, простися!»

20.

У колодезя, у холоднова, добрый молодецъ коня поилъ;
На кизилый онъ приколъ становилъ.

«Отъ чего ты, душечка — добрый конь, не весель стоишь.

Или на тебѣ тяжело Черкеское сѣдельцо лежить,

Или я самъ на тебѣ тяжелъ сижу?»

— Не тяжело то сѣдельцо Черкеское на мнѣ лежить,

И не тяжелъ ты самъ на мнѣ сидишь,

А тяжелъ-то мнѣ твой Царевъ кабакъ:

Какъ часто ты во кабакъ заѣзжаешь,

Меня къ дубову столбу привязываешь,

Самъ зелена вина напиваешься;

На меня-то доброва коня садишься,

На обои боки ты вихляешься,

Мною, добрымъ конемъ, выхваляешься:

Отъ того-то я худъ и не весель стою».

21.

Воздалече было, воздалеченьки, въ чистомъ полѣ,

Какъ и росъ, выросталъ тамъ сырой дубъ;

Подъ тѣмъ-то было, подъ сырымъ дубочкомъ, росла
трава зеленая,

Какъ на травушкѣ разостланъ ковричекъ,

На томъ-то ковричкѣ сидятъ три братца родимые,

Три Донскіе казака.

Какъ старшій братъ въ звончатныя гусли играетъ,

Средній братъ гуслиамъ пѣсню припѣваетъ,

А третій Грузинскую сторону проклиняетъ:

«Ты шельма, злодѣйка, Грузинская сторона!

Безъ вѣтру и безъ вихрю изсушила молодца,

Присушила черныя кудерцы къ буиной головѣ,

Вынула кровь румянецъ съ мово бѣлова лица,

Заставила доброва молодца пѣшимъ ходить,

Руки въ пазушкѣ носить.

22.

Не сизы орлы солетались,

А два братца родные во чистомъ полѣ соѣзжались,

Одною роднею сознавались,

Бѣлыми руками обнимались,

Во сахарныя уста цѣловались;

Какъ меньшей братъ большому рѣчь возговорилъ:

Гдѣ-то мы, братецъ темную ночь почитать будемъ?»

Заночуемъ надъ сырымъ дубомъ, дубочкомъ зеле-
ненькимъ».

Бѣлыми ручками снѣжокъ разгребали,

Сабелька о сабельку огоньшекъ вырубали,

Калеными стрѣлочками огонь разводили,

Бровыя ноженъки къ огню пригрѣвали.

23.

По тому-то было морю, морю синему.

Тамъ плыли всплывали пять сотъ кораблей.

А одно-то изъ нихъ суденышко напередъ бѣжить;

Корошо-то это суденышко изукрашено:

У ней носъ сы кормой по звѣриному,

На этомъ на суденышкѣ стояла палатушка;

Во этой то палатушкѣ сидѣлъ Турецкій Паша.

Передъ нимъ-то стоитъ, младъ Донской казакъ пе-
вольничекъ;

Стоить-то онъ, молодець, какъ свѣча горить;
Онъ рѣчи-то говоритъ, какъ въ трубу трубить:
«Какъ ты, славный Турецкій Паша!

Отпусти меня на волюшку».

Отвѣчаетъ ему Турецкій Паша:

«Загадаю я тебѣ, Донской казакъ, три загадки;

Отгадаешь ты мнѣ, три загадки,

Тогда-то я отпущу тебя на тихій Донъ:

Чего у насъ на свѣтѣ безъ ногъ рѣзко бѣжить?

Чего у насъ на свѣтѣ безъ крыль скоро летить?

Чего у насъ на свѣтѣ безъ огня жарко горить?

Отвѣчаетъ ему Донской казакъ:

Безъ ногъ у насъ бѣжить твое судно легкое,

А безъ крыль-то летить буйный вѣтеръ,

Безъ огня-то печетъ на свѣтѣ красное солнышко.

24.

Во лугу-то было во лужочкѣ,

Во зеленомъ-то было во лугу, —

Какъ у всѣхъ-то моихъ друзей братьевъ

По-осѣдланы кони стоятъ.

У моего-то братца, у родимаго,

Не осѣдланъ конь стоять:

«Какъ ты встань, ты проснись

Мой родной братецъ,

Осѣдай-то своего коня».

«Не могу-то я встать, головы своей приподнять

Потусмьло-то мое тѣло бѣлое

Чернѣ матушки сырой земли:

Съвозъ частыя мои ребрушки

Камышь травушка поросла;

Сквозь ретивое мое сердечушко

Змѣя лютая проползла.

Не буйные-то вѣтры черные мои кудерцы

По чистому то полю разнесли».

25.

На зорѣ-то было на зорюшкѣ,

На зорѣ-то было на утренней,

На восходѣ было солнца краснаго:

Не буйные вѣтры подымались,

Не синее море всколыхалось,

Не фузеюшка въ полѣ прогрянула,

Не лютая змѣя въ полѣ просвиснула,

Просвиснула пулечка свинчатая:

Она падала пулька не на землю,

Не на землю пуля и не на воду,

Она падала пуля въ казачій кругъ,

На урочную-то на головушку,

Что да на перваго Есаулушку,

Попадала пулечка промежъ бровей,

Что промежъ бровей, промежъ ясныхъ очей;

Упалъ молодець коню на черну гриву.

«Охъ вы, братцы мои, товарищи!

Поднимите меня на ворона коня,

Повезите меня во бѣль шатеръ,

Положите меня на коичку.

Кому изъ васъ судить Богъ на тихій Донъ,

Поклонитесь всему Дону тихому,

Отцу, матери, молодой женѣ;

Пушай она въ тоску не убивается,

Въ свое то платьѣ убирается,
Не покидайте родителей моихъ».

26.

Изъ за лѣсу-то было, лѣсу темнаго
Изъ провалья, было изъ глубокаго,
Не двѣ стадушки—черныя галушки въ пролетъ летать,
Со тиха Дона полки казацкія во походъ идутъ,
Впереди-то полка казачьяго снѣжокъ перепархиваль,
Младъ ясмень соколъ по крутымъ горамъ полетываль,
Нашъ полковничекъ впереди полка ѣздилъ — поразъ
ѣзживаль,

На раздушечкѣ своемъ, на добру коню, на буланому
Подъ нимъ душечка его добрый конь играль, ровно
лютый змѣй,

На конѣ-то сидѣлъ нашъ полковничекъ, какъ ясмень
соколъ,

На немъ шапочка—кабардиночка съ *бразументами*
Онъ и такъ сидитъ, не трухнется,
Его шапочка—кабардиночка не шелохнется.

27.

Заря ты моя, заря красная!
Зачѣмъ ты заря рано занималася?
Не дала ты зарю молодцу приуправиться,
Приуправиться—изъ долона бѣжать,
Какъ и за рѣчкую стоялъ садикъ зелененькій,
Какъ во томъ саду стоялъ высокій теремокъ,
Да во томъ теремку столикъ дубовинькій,
За тѣмъ столикомъ сидитъ невольничекъ молодой,

Передъ нимъ-то стоитъ молодая Турчаночка,
Во рукахъ-то держитъ подносъ серебряный;
На подносѣ стоятъ чары позлаченныя.
Наливала она зелена вина,
Подносила она молодому невольничку:
«Выпей выкушай, молодой невольничекъ!
И забывай ты просвою сторонущку,
Про своего отца, матерю
«Промолодую жену, и своихъ малыхъ дѣточекъ».

28.

Какъ въ полѣ шляхъ дороженька пролегала,
Она не широкая, въ длину-жъ конца края не было.
Какъ поэтой-то, по дороженькѣ, шель младъ Донской
казакъ.

Онъ шель оглядался, приглядаль въ полѣ себѣ това-
рища;

Съ дорожки добрый молодецъ сворачиваль.
«Богъ помощь тебѣ, кусточекъ полночекъ!
Прикажи мнѣ, кусточекъ, ночку ночевать».
Ночуй, ночуй, молодецъ, ночуй разудаленькій!
Вотъ тебѣ постелюшка ковыль—травушка,
А высокіе изголовьяца—полночекъ,
Какъ и теплое одѣялице—темная ночушка,
Шитый браный положочекъ—частые звѣзды,
Какъ крѣпкій караульщикъ тебѣ свѣтель мѣсяць.
«Свѣти, свѣти, батюшка, свѣтель мѣсяць
Во всю темную ночушку».

29.

При курганчикѣ, при широкомъ раздольцѣ,
 Добрый молодець спочивъ имѣлъ;
 Спочивъ имѣлъ, день до вечеру,
 Осеннюю темную ночушку до бѣлой зари.
 Наѣзжали на добраго молодца три охотничка
 Три охотничка—три Татарна.
 Одинъ-то говорить: изъ ружья убью,
 А другой говорить: я копьемъ сколю,
 А третій говорить: я живова возьму.
 Добрый молодець отъ сна пробуждается,
 За шелковъ чумбуръ хватается,
 На своего добраго коня на скоро сажается;
 Онъ и перваго татарина самъ изъ ружья убилъ,
 А другаго татарина — копьемъ скололъ,
 А третьяго татарина — живьемъ повелъ.

30.

Во лужкѣ-то было, во лужочкѣ, во зеленомъ,
 Собиралась тамъ наша армейюшка во единый кругъ.
 Среди-то круга, среди казачьяго,
 Разостланъ шелковый коверъ,
 А на коврикѣ стоялъ раздвижной стуликъ,
 На стулу-то сидѣлъ Донской атаманушка;
 Передъ нимъ-же стоятъ Донскіе казаки,
 Во рукахъ держатъ знамя—зодотой бунчукъ,
 Они просятъ атаманушку:
 «Напиши намъ, атаманушка, съ Дону смѣнушку».
 Донской атаманушка рѣчь возговорилъ:
 «Ужъ служили вы три года,

Послужите вы, слуги вѣрные, хоть еще годокъ;
 Ужъ тогда я напишу вамъ съ Дону смѣнушку,
 И на тихій Донъ провожу я васъ».

31.

Не чернымъ-то зачернѣлось,
 Зачернѣлось Турецкое чисто поле:
 Не плугами поле, не сохами, пораспахана,
 А распахано поле конскими копытами,
 Засѣяно поле не всхожими сѣмянами,
 Засѣяно казачьими головами,
 Заволочено поле казачьими черными кудрями.
 Какъ не доѣхавши поля. Зоргинъ (?) генералушка
 Становился надъ казачьими головушками,
 Становившись онъ прослезился:
 «Понапрасну эти буйныя головушки пропадаютъ,
 Безъ вѣрнаго-то служителя съ Дону-Государева,
 Безъ Ивана сына Матвѣева Краснощекова».

32.

Какъ при стежкѣ, при дорожкѣ
 Стоялъ бѣлъ шатерикъ;
 Какъ изъ этаго шатрочка
 Выходилъ молодчикъ,
 Молодой полковникъ;
 Онъ и книги раскладаетъ,
 Указы читаетъ,
 Онъ указышки читаетъ,
 Казаковъ пытается:
 «Отъ чего вы казаченьки,

Всѣ худы и блѣдны?
 — Оттого мы худы блѣдны,
 Что есть наша бѣдность:
 Мы день идемъ во походѣ,
 А ночь въ караулѣ,
 Съ караула насъ смѣняютъ,
 Гонять на пакеты,
 Ни разутыя, ни раздѣтыя

 А казакіи квартиры
 Всѣ потлѣли, по горѣли;
 Оставался, оставался
 Зеленой садочикъ,
 Во зеленомъ во садочкѣ
 Груша зеленая;
 Паньи молодая.
 Паняночка молодая,
 Съ Дибичемъ гуляла,
 Во глаза его ругала:
 «Распустилъ казаковъ
 По всей славной Польшѣ;
 Побили они порубили
 Много у насъ Поляковъ».

33.

Да полножь тебѣ, добрый молодецъ, на чужой сто-
 ронушкѣ пить гулять,
 Не порали тебѣ, добрый молодецъ на тихій Донъ
 пойтить-побывать?

Какъ и я, молодецъ, съ тоски, съ кручинушки на
 конюшеньку пойду,
 Я возьму-то, возьму тесмененькую уздѣчичку,
 Обратаю своего добраго коня,
 Подложу я, добрый молодецъ, въ три-рядъ бумажны
 потнички,
 А въ четверый рядъ подложу-шелковенькіе;
 Осѣдлаю я коня черрескимъ легенькимъ сѣдломъ,
 Я поѣду молодецъ въ чисто поле гулять,
 Я не столько погулять—три дорожки узнавать:
 По которой мнѣ дорожкѣ пойтить на Донъ побывать?
 Мнѣ прійтить-то, младицу, къ отцу матери?
 То-ли живы они, то-ли нѣтъ?
 Къ роду племени, младицу, прійтить?
 Не угадають они меня, доброва молодца,
 Къ молодой женѣ мнѣ прійтить?
 У ней лучше меня теперь есть:
 Ужь съ того-то горя, съ кручинушки,
 Во Царевъ кабакъ пойду.

34.

Какъ на зарѣ-то было на зорюшкѣ,
 На зарѣ-то было на утренней,
 На восходѣ было солнца краснаго,
 На разсвѣтѣ-то денечка прекраснаго
 Не сизые-ли орлы въ полѣ-солеталися,
 Мурзы горскіе въ полѣ собзжались;
 Какъ слѣзали Мурзы съ добрыхъ коней,
 Выходили Мурзы на высокъ курганъ,
 Разстлали они черны бурочки,

Поснимали они куньи шапочки,
 Какъ сѣдѣлись Мурзы во единый кругъ,
 Да и думали они думушку единую,
 Еслибъ взять-то намъ, взять село новое нерушимое
 Да во томъ-то селѣ убьемъ мы полковничка.
 Какъ и равили они полковничка,
 Какъ полковничка Михайлу Степановича,
 Какъ приказывалъ онъ Михайла Степановичъ:
 «Ой, вы други мои, други станишнички!
 Когда Богъ васъ *лучить* быть на тихомъ Дону,
 Вы скажите тамъ моему сыну родному,
 Да чтобъ онъ служилъ Царю вѣрой правдою.

35.

А кто бы то дозналъ,
 Когда бѣлый свѣтъ насталь,
 Праведно солнце взошло,
 Ясенъ мѣсяцъ восходилъ.
Севрукъ тое дозналъ,
 Когда бѣлый свѣтъ насталь,
 Праведно солнце взошло,
 Ясенъ мѣсяцъ восходилъ,
 — «А вы люди стародавнѣе,
 А давно вы живете —
 Ничего не смыслите; —
 Либо мнѣ хлѣба — соли ставьте,
 Либо мнѣ борцовъ дайте,
 Либо мнѣ голову срубите».
 «Вотъ тебѣ хлѣбъ — соль на столѣ
 И бойцы на дворѣ,

А головушки не будемъ рубить».
 Распился Севрукъ,
 Разгулялся Севрукъ;
 Семьсотъ казаковъ забороль,
 Восемьсотъ татариновъ,
 Девятьсотъ *удалыхъ* добрыхъ молодцовъ.
 Что идутъ пройдутъ Донцы,
 Добры удалы молодцы,
 Набокъ колпаки поскривлючи,
 Подъ бокъ кулаки зазымляючи,
 Своего Бога появаляючи:
 А дай намъ, Боже, Севрука подолѣть,
 И съ кореньями повывертѣть.
 Пришли они подивилися,
 За бѣлыя груди взялися;
 Какъ подымуть Севрука
 Вонъ по выше себя,
 Какъ ударять Севрука
 Объ сыру землю:
 Севрукъ глаза вытрещилъ
 Севрукова кожа лопнула,
 Всѣ ребрушки посыпались;
 Всѣ косточки повывлапались.
 А Севрукова мать
 По новыхъ сѣнцахъ похаживаетъ,
 Бѣлыя ручки поламливаетъ:
 «А скурвій сынъ,
 А проклятый сынъ!
 И нашто было заводиться,
 И нашто было зазымливаться?»

Пошла слава по всемъ сѣверу,
Очутилася и въ Кіеву.

36.

Полно вамъ снѣжочки на талой землѣ лежать,
Полно вамъ, ребятушки, горе горевать :
Оставимъ тоску во темномъ лѣску,
Станемъ привыкать къ Грузинскимъ горамъ, къ Че-
ченскимъ мѣстамъ,
Станемъ забывать отца, матерю жену,
Съ дѣвками, съ молодками полно пить гулять,
Перины, подушки пора намъ забыть.
Выпьемъ по рюмочкѣ—похмѣлимся,
Выпьемъ по другой—разгуляемся,
Выпьемъ по третьей—во походъ пойдёмъ.
Дай намъ, ребятушки, попить послужить,
На своей сторонукѣ голову сложить.

37.

Какъ за рѣчушкою, было, за славнымъ Дунаемъ;
Что горитъ тамъ огоньшекъ, да малехунокъ;
Отъ огоньшка дымочекъ идетъ, тенехунокъ.
Подъ дымочкомъ, надъ огоньшкомъ разостланъ вой-
лочекъ.
Что на войлочку подушачка лежитъ арчачная.
На подушачки на арчачнишной лежитъ добрый мо-
лодецъ.
Что не такъ лежитъ, лежитъ больно раненный,
Его буйная головушка вся изрублена
Ретивое его сердечушко *скрость* прострѣлено.

Да никто-то къ доброму молодцу, никто не при-
вернется,
Не ластушка, не касатушка, не сизой орель.
Вотъ какъ приходитъ къ добру молодцу, его родной
братъ.

Говорилъ, вѣдь тебѣ, братецъ, я приказывалъ:
Не мечись-же ты, мой братецъ, въ Турецкіе лагеря,
А бальши того, мой братецъ, на ихъ батареюшку!
Хотѣлъ ты, мой родной братецъ, чинъ Хорунжева,
А теперича не будетъ твоей ни чести, ни славушки.

38.

Какъ за тѣми, было, за Бештовыми крутыми горами;
Какъ за тѣми, было, за дремучими темными лѣсами;
Тамъ ходилъ гулялъ Есаулъ Донской съ Донскими
казаками.

Разстанавливалъ тамъ Есаулъ Донской частые пикеты.
Разстановивши, Есаулъ Донской, онъ самъ при-оз-
нился.

Не вечеривши, Есаулъ Донской, онъ спать ложился.
По утру рано Есаулъ Донской просынался,
Ключевою студеною водицею чисто умывался,
Тонкимъ бѣленькимъ платкомъ утирался,
На восходѣ солнца, онъ Богу молился;
На всѣ стороны низко поклонился.

«Да здароволь вы, мои станишнички, спали, себѣ
ночевали

Ахъ и я ли, Есаулъ Донской, не дюжа здорово:
Получилъ я себѣ съ тихаго Дона бѣлую бумагу;
Да за тою, было за станишною, черною печатью.

Да написаны въ ней, во той во бумагѣ, такія рѣчи.
 Что родимаго моего батюшки, его въ живѣ нѣту.
 А родимая моя матушка она чуть живая.
 Да жена моя, каналья, она пьетъ гуляетъ.
 А какъ малые мои деточки, они ходятъ плачутъ.
 Во слезахъ—то они,—малые дѣточки, меня поминаютъ
 «Да когда-то нашъ батюшка сы Грузіи будетъ?»

39.

Ни отъ тучи, ни отъ грома, ни отъ солнышка,
 Отъ великаго оружія солдатскаго
 Загоралась въ чистомъ полѣ кавыль травушка,
 Добиралась до бѣлаго до камышка;
 Что на камышкѣ сидитъ младъ ясенъ соколъ,
 Подналилъ онъ свои быстры крылышки,
 Обжегъ онъ свои скорыя поженки.
 Прилетало къ соколу стадо вороновъ,
 Что сажались черны вороны во кругъ его,
 И въ глазали-ли ясному соколу насмѣхались,
 Называли они сокола вороною.
 «Ты ворона, ты ворона подгуменная!
 Какъ возговоритъ во кручинѣ младъ ясенъ соколъ:
 «Какъ пройдетъ моя бѣда со кручиною,
 Отрошу я свои крылья, крылья быстрыя,
 Оживлю я свои ноги, ноги скорыя,
 Я взовьюсь, младъ ясенъ соколъ, выше облака,
 Опущусь въ ваше стадо я скорѣй стрѣлы,
 Перебью я черныхъ вороновъ до одинаго!»
 Ахъ! когда былъ Краснощекъ въ неволюшкѣ,
 Онъ вскричалъ—ли онъ взопилъ громкимъ голосомъ

• • • • •

В. ПѢСНИ СЕМЕЙНЫЯ.

1.

Какъ со славной, со восточной со сторонюшки,
 Протекала быстра рѣчушка, славный тихій Донъ;
 Онъ прорылъ, прокопалъ, младець, горы крутыя,
 А по правую-то сторонюшку лѣса темныя.
 На Дону-то все живутъ, братцы, люди вольныя,
 Люди вольныя живутъ-то Донскіе казаки.
 Собирались казаки други во единый кругъ,
 Они стали межъ собою да все *дуванъ* дѣлать:
 Какъ на первой-атъ пай они клали пять сотъ рублей,
 На другой-то пай они клали всю тысячу,
 А на третій становили красну дѣвицу;
 Какъ растужится, какъ распачется добрый молодець:
 Головаль ты моя, головушка, несчастливая,
 Ко бою-то, ко баталицѣ ты наипервая,
 На паю-то, на дуванѣ ты послѣдняя.
 Какъ возговоритъ красна дѣвица добру молодцу:
 Ахъ, не плачь ты, не тужи, удалъ добрый молодець!
 Я сотку тебѣ шелковъ коверъ въ пять сотъ рублей,

А другой коверъ сотку тебѣ во всю тысячу;
А третій—то коверъ я сотку что и смѣты нѣтъ.

Пѣсни Рус. народа ч. 4-я стр. 241.

2.

Не травушка, не кавылушка въ полѣ шаталася,
Какъ шатался, волочился удалъ добрый молодець,
Въ одной тоненькой, въ полотняной во рубашечкѣ,
Что во той—то было во кармазинной черкесочкѣ,
У черкесочки рукавчики назадъ закинута,
И камчатны его полочки назадъ застегнута,
Басурманскою онѣ кровью позабрызгана.
Онѣ идетъ удалъ добрый молодець, самъ шатается,
Горючею онѣ слезою обливается.
Онѣ тугимъ—то своимъ лукомъ опирается;
Позолотушка съ туга лука долой летить.
Какъ никто—то съ добрымъ молодцемъ не встрѣчается.
Лишь встрѣчалась съ добрымъ молодцемъ родная ма-
тушка:

Ахъ ты чадо мое, чадушко, чадо милое мое!
Ты зачѣмъ такъ, мое чадушко, наливаешься?
До сырой—то до земли все приклоняешься,
И за травушку, за кавылушку все хватаешься.
Какъ возговорить добрый молодець родной матушкѣ:
Я не самъ такъ добрый молодець наливаюсь,
Напоилъ—то меня Турецкій Царь тремя пойлами,
Что тремя—то было пойлами, тремя разными:
Какъ и первое то его пойло—сабля остря,
А другое его пойло—копье мѣткое было,
Его третье—то пойло—пуля свинчатая.

(Пѣсни Рус. народа ч. 4-я стр. 247.)

3.

Не туманъ—то съ моря подымается,
Не бѣлы—то снѣга въ полѣ забѣлѣлися,
И дымалися утки сѣрыя,
Забѣлѣлися гуси-лебеди.
Отчего—то они подымалися?
Знать сизова орла полохалися.
Тамъ летить—то летить младъ сизой орелъ,
А за нимъ—то гонить младъ ясенъ соколъ,
Онѣ кричитъ—то кричитъ молодому орлу:
«Ты постой, подожди, младъ сизой орелъ,
Я не бить—то лечу, успросить хочу.
Ты идѣ орелъ былъ, пробувалъ?»
«Я былъ, пробувалъ въ иной землѣ во Туречинѣ,
Я видалъ тамъ диковинку не малую не великую:
Въ чистомъ полѣ да подѣ кустикомъ,
Тамъ лежитъ—то убить добрый молодець,
Младъ Донской казакъ весь изрубленный.
Какъ никто къ тѣлу не приступится,
Никто къ бѣлому не привернется.
Привернулись къ нему три ластушки,
Три ластушки, три касатушки:
Какъ первая ластушка, родная матушка,
А другая ластушка, сестра родная,
Какъ и третья ластушка, молодая жена.
Идѣ мать плачетъ, тамъ рѣка бѣжитъ,
Идѣ сестра плачетъ, тамъ колодези,
А идѣ жена плачетъ, тамъ роса стоитъ.
Вотъ какъ мать плачетъ во вѣль до вѣку,

А сестра плачетъ отъ годъ до году,
А жена плачетъ день до вечера».

4.

Какъ и нынче доброму молодцу
Малымъ-то мало спалось, много во снѣ видѣлось:
«Будто конь мой вороной разыгрался подомной,
Разыгрался, расплясался подъ удалымъ молодцомъ
Совалилась кунья шапочка съ моей буйной головы,
Оторвался лукъ съ колчаномъ съ моей правой стороны.
Всѣ мелкія стрѣлочки посыпалися,
Въ сыру онѣ землю повтыкались.
Ахъ вы, братцы мои, братцы, атаманы молодцы!
Не покиньте добраго молодца, вы при бѣдности такой
Какъ во всякое времечко пригожусь я братцы вамъ
Замѣню я вашу смерть грудью бѣлою моей.
Расскажите Вы мнѣ, братцы, что мой сонъ значитъ»
Услыхала родна матушка изъ висока терема:
«Охъ ты, чадо, мое чадо, чадо милое мое!
Вотъ я тебѣ, чадо, этотъ сонъ расскажу:
Какъ тебѣ-то, мое чадо, да на службицу итить:
Да на службицѣ, чадо тебѣ убитому быть,
Вороному твоему коню быть подстрѣлену,
Молодой твоей женѣ быть удовушкою,
Малымъ дѣтушкамъ твоимъ сиротинушками.

5.

Въ полѣ дороженька въ полѣ не широкая пролегала
Никто не хаживалъ по этой дороженькѣ и съ род
не ѣзживалъ,

Только шла красна дѣвица, шла она опознилася,
Опознивши, она заблудилася, въ полѣ остановилася,
На восходъ Богу молилася и затѣмъ она спать ло-
жилася.

Какъ наѣхали на красну дѣвицу—три татарина,
Три татарина — басурманина,
Какъ взяли они красну дѣвицу; посадили—за круты
бедра,
Повезли ее въ землю татарскую, землю басурманскую.
И просить красная дѣвица:
Вы напишите бѣлу грамотку
Къ моему родимому батенькѣ,
Чтобъ досталъ онъ свою золотую казну,
Чтобъ ѣхалъ выкупать меня изъ чужой земли.

6.

Ой, ты нашъ батюшка, тихій Донъ!
Ой, что-же ты тихій Донъ мутнехонекъ течешь?
Ахъ, какъ мнѣ, тиху Дону, не мутному течи,
Со дна меня, тиха Дона, студены ключи бьютъ,
Посередь меня, тиха Дона, бѣла рыбаца мутить,
Поверхъ меня, Дона, три роты прошли;
Ай первая рота шла-то донскіе казаки,
Другая рота шла-то, знамена пронесли,
А третья рота шла-то дѣвица съ молодцомъ.
Молодецъ красну дѣвицу уговариваетъ:
Не плачь, не плачь дѣвица, не плачь красная моя!
Что выдалъ тебя дѣвицу я за вѣрнаго слугу,
Слугѣ будешь ладушка, мнѣ миленькій дружокъ,

Подъ слугу будешь постелю стлать, со мной вмѣстѣ
спать,

Что возговорить дѣвица удалому молодцу:

Кому буду ладушка, тому миленькій дружокъ,

Подъ слугу буду постелю стлать, съ слугой вмѣстѣ
спать.

Вынимаетъ молодецъ саблю острую свою,

Срубилъ красной дѣвицы буйную голову,

И бросилъ онъ ее въ Донъ во быструю рѣку.

7.

Запой соловей, весной на проталинкѣ,

Взвесели добраго молодца, во неволюшки сидючи.

Я ни годъ и ни два сидѣлъ,

А сидѣлъ, молодецъ ровно три года;

Я писалъ письмо къ отцу матушки,

Я не перомъ писалъ не чернилами,

А писалъ, молодецъ горячею слезой.

И отецъ и мать отказались:

Въ нашемъ роду не было разбойничка,

Ни разбойничка, ни мошенничка.

Напишу письмо молодой женѣ:

Ты забывай, жена, платье цвѣтное,

Выручай молодца изъ неволюшки, —

Изъ темной теремушки.

8.

Поѣхалъ нашъ королевичъ на разгуляньице,

Жену свою оставилъ на гореваньице;

Становился королевичъ при долинѣ при бугрѣ.

Раскинулъ нашъ королевичъ свой бѣлый шатеръ;

Ложился спать подъ бѣлымъ шатромъ;

Привидился королевичу придивный сонъ:

Изъ подъ правой изъ подъ ручки вылеталъ соколъ.

Изъ подъ лѣвой изъ подъ бѣлой сѣра утица,

Пробуждался королевичъ отъ крѣпкаго сна

«Поѣду я, королевичъ, ко старушинкѣ:

Скажи скажи, старушенька, про мой дивный сонъ?

Изъ подъ правой изъ подъ ручки вылеталъ соколъ,

Изъ подъ лѣвой, изъ подъ бѣлой сѣра утица».

Вернись, вернись, королевичъ, ко своему двору;

Жена твоя Марусенька сына родила,

На бѣленькой на зорюшкѣ сама померла.

Теперь твоя Марусенька во гробѣ лежитъ,

Дворовые ея слуги надъ гробомъ стоятъ,

Дитя ее *малесенько* въ люличкѣ лежитъ.

Подъѣзжаетъ королевичъ къ своему двору,

Закричалъ королевичъ громкимъ голосомъ:

«Свѣтъ моя, Марусенька, жена молода!

Бывало-ты, Марусенька, встрѣчаешь меня,

Теперь же ты, Марусенька, во гробѣ лежишь.

9.

Какъ во садику во зеленому ни кукушечка тамъ ку-
куетъ,

Во теремѣ во высокомъ мать по сыну слезно плачетъ,

По одному, по родимому тяжелехонько вздыхаетъ:

«Ты чадо мое, чадо милое, ты почто, мое чадушко,

состарился?»

Или я тебя, мое чадушко, состарила, иль мои долгіе вѣки?
Или душечка молода жена, или малыя твои дѣтушки?
Какъ отвѣтъ держитъ сынъ матери:

«Мать моя матушка, мать моя родная!

Не ты меня состарила и не твои долгіе вѣки,
И не душа молода жена и не мои малые дѣти.
Какъ состарила меня чужа дальняя сторонущка:
Да развѣзды были частые,
Караулы были крѣпкіе,
И переходы были долгіе».

10.

Какъ я былъ-то младенецъ, былъ малехунекъ,
Былъ малехунекъ, былъ глупехунекъ.
Какъ тогда-то младца отецъ мать любилъ,
Отецъ мать любилъ, на рукахъ носилъ,
На рукахъ носилъ,—хорошо водилъ.
Какъ и сталь-то младенецъ я на возрастѣ,
Сталь на возрастѣ,—на своихъ ногахъ,
Сталь конемъ владать, изъ ружья стрѣлять,
Записали молодца во службу дальнюю,
Во службу дальнюю — Государеву.
Какъ никто-то младца провожать нейдетъ,
Провожала его родная матушка,
Провожала-ублажала, слезно плакала:
«Ужъ ты сынъ-ли мой, сынъ возлюбленный!
«Когда-то ты сынъ домой будешь?
Какъ есть у моего роднаго батюшки садъ,
Какъ есть у него садъ зелененькій,
Какъ во томъ-то саду стоитъ яблонка;

Во той-то яблонки суха маковка,
Когда она разцвѣтатъ будетъ,
Вотъ тогда-то я домой буду.

11.

Ужъ ты ягодка, ты смородинка,
Ты когда взошла, когда выросла.
Я весною взошла, лѣтомъ выросла,
Зеленехунька—позаломана,
По три прутичка въ пучки вязана,
По дороженькѣ поразбросана,
У крыльца, у дворца Государева,
На крыльцѣ-то сидитъ, Православный Царь,
Православный Царь, со Царицею.
Передъ нимъ стоитъ молодой маіоръ
Молодой-то маіоръ со маіоршею:
«Ты прости, ты прости, православный Царь!»
«Не прощу я тебя, молодой маіоръ!
А сошлю я тебя да во Грузію
А маіоршу-то твою на фабрику».

Ужъ ты ягодка, ты смородинка
Ты когда взошла, когда выросла?
Я весною взошла, лѣтомъ выросла,
Зеленехунька — по заломлена.
По три прутичка въ пучки вязана,
По дороженькѣ поразбросана.
На томъ-то было дворѣ Шереметьевомъ,

За столомъ—то сидятъ три генералушка,
Передъ столомъ—то стоитъ красная дѣвушка.
Красная дѣвушка проситъ генералушковъ:
«Разкуйте моего батюшку, разверните мою матушку!
«Неплачь Прасковьюшка, не тужи, не кручинься!
Не можемъ мы, генералушки, разковать твоего ба-
теньку,

Не можемъ мы развернуть твоей матушки.
Ты поиди къ самому Царю Бѣлому
Подойди—тихохенько, проси—смирехунько; поклонись
низехунько».

Идетъ Прасковьюшка къ самому Царю Бѣлому;
На крыльцѣ—то сидитъ православный Царь.
Какъ возговорить рѣчь Прасковьюшка своимъ гром-
кимъ голосомъ:

Ты прости, православный Царь, моего батеньку и
мою маменьку;

Прикажи, Царь, расковать моего батеньку,
Прикажи развернуть мою маменьку»
Какъ возговорить въ отвѣтъ православный Царь:
Не прошу я, Прасковьюшка, твоего отца,—матерю,
А сошлю я его подъ Сибирь городъ, а ее на фабрику.

12.

Всю ночь не спалъ, все ходилъ да гулялъ;
Ко бѣлой-то зарѣ ко двору я пришолъ.
Молодая жена сы постели встаетъ,
Сы постели встала, слезой залилась:
«Безъ тебѣ, мой другъ, постелюшка холодна,
И одѣялицо презанѣло въ ногахъ,

Подушечка потанула во слезахъ
Со стыда, молодецъ, я внизъ личикомъ упалъ,
Самъ себя сругалъ, про-гуляньице сказалъ:
Ты гулянье, ты, гуляньице мое!
Довело ты молодца до конца:
Распрогнѣвалъ я родную матушку — отца,
Черезъ-то младець на службицу пошелъ.
А на службицѣ послѣднее житье:
По немногу тамъ намъ жалованья даютъ:
По три денежки у суточки,
По пяти плетей у спинушку кладуть.

Ты неплачь, ты неплачь, родимая матушка!
Не плачь, не печаль добраго молодца,
Ты не жди, ты не жди младца черезъ три года,
На четвертый годъ самъ письмо пришлю,
Во письмѣ пропишу строку черную,
Строку черную печальную,
Поминай-ты меня тогда, родимая матушка, хлѣбомъ—
солью.

13.

Горѣла, горѣла воску яраго свѣча,
Ждала, ждала дѣвица удалаго молодца,
Не дождавшись молодца, во постелю спать легла.
На разсвѣтѣ къ дѣвицѣ приходитъ другъ милой,
«Да что-жъ тебя, молодца, вечеръ поздно не было?
«Съ худою женою у насъ побранушка была:

Да журила и бранила и тебя другъ, и меня,
 Называла тебя сукою, мени борзымъ кабалемъ»
 «Дуракъ, дуракъ, молодецъ, безумная голова!
 Давно тебѣ, молодецъ, я говаривала:
 Убей ты свою ревнивую жену,
 Ты возьми меня, красну дѣвицу».
 «Ты душа моя, красна дѣвица!
 Не рѣчь ты мнѣ говоришь:
 Мнѣ съ тобою, красна дѣвица, одинъ вечеръ проводить,
 Съ ревнивою женою цѣлый вѣкъ вѣковать;
 Ревнивая жена мнѣ радость принесла,
 Радость принесла, сына родила».

14.

Вотъ мила-то, мила, мнѣ эта дороженька,
 По какой я ходилъ, ѣзживалъ;
 Еще-то милѣй красная дѣвочка,
 Она тѣмъ-то мила мнѣ доброму молодцу,
 Что выкупила меня изъ тяжкой неволюшки,
 За выкупъ дала эта красная дѣвушка пятьсотъ рублей,
 Таго-то сего стало красной дѣвужкѣ ровно тысячу.
 Какъ никто-то, про это несчастье не знаетъ, не
 вѣдаетъ;
 Какъ узнали, про это несчастье, ближніе сосѣдушки,
 Доказали, передали моему отцу—матери;
 Высылають эту красную дѣвужку сы двора долой.

15.

На зарѣ было на зорюшкѣ,
 На зарѣ было на утренней,

а восходѣ было солнца яснаго,
 а восходѣ денечка прекраснаго,
 случилось младцу мимо саду ѣхати,
 мимо садику зеленаго, мимо терему високаго;
 а случилось младцу въ саду голосъ слышати:
 какъ мужъ-то жену журилъ, бранилъ и убить грозилъ,
 какъ жена-то мужа уговаривала:
 Ты мужъ, мой мужъ, ты законный другъ!
 Ты не бей меня рано съ вечера,
 Ты убей меня во глуху полночь,
 Наши дѣточки будутъ крѣпко спать,
 Ничего-то они не будутъ знать!
 По утру рано дѣточки проснулись,
 Про родимую матушку встрѣнулись,
 Наша матушка есть убитая,
 Гробовой доской есть закрытая!
 Найдите-же тучи грозныя!
 Тряньте-же громы громкіе!
 Разбейте вы гробову доску!
 Встань проснись, родимая матушка!»

16.

Я не воръ то былъ, не разбойничикъ,
 И Божьимъ церквамъ, не раскольникъ.
 Ужъ я былъ, младець, во семи клѣтяхъ,
 А въ осьмую клѣть, заглянулъ только.
 А въ осьмой клѣти образа стоятъ,
 Образа стоятъ, свѣчи теплются,
 Молодая вдова Богу молится:
 «Ты пошли, Боже, тучу грозную,

Тучу грозную, громову стрѣлу,
Ты разбей, разбей гробову доску,
Ты раскрой, раскрой золоту парчу
Подыми моего друга милаго!

17.

Всѣ полки домой идутъ,
Какъ и всѣ письма шлютъ,
Какъ мой-то милый мнѣ письма не шлетъ,
Да и самъ нейдетъ;
Какъ прислалъ мнѣ черную рубашечку,
Въ рубашечкѣ бѣлая бумажечка,
Въ бумажечкѣ написано три словечка:
«Ты побань, Дуня, черную рубашечку;
Не въ быстрой рѣчкѣ, не въ колодезѣ,
Ты побань, Дуня, своею горячей слезой!
Ты высуши ее, Дуня, не на жордочкѣ, не на грубочкѣ,
Ты высуши, Дуня, на своихъ грудяхъ бѣлыхъ,
Выкатай, Дуня, на своихъ рукахъ бѣлыхъ!»

18.

Кабы знала я молода, вѣдала,
Я неходила-бы по вѣкъ замужъ,
Не теряла-бы свою золоту казну,
Не лила-бы я себѣ золотой вѣнецъ,
А слила-бы я себѣ златыя крылышки,
Полетѣла-бы я млада въ армию,
Сѣла-бы я млада среди круга,
Угадала-бы я своего друга милаго.

На моемъ миломъ три примѣтушки:
Первая примѣтушка — кудри черныя,
Вторая примѣтушка — брови высокія,
Третья примѣтушка — глаза развеселыя.

19.

Да ты, грушица, ты зеленая,
Ты когда взошла, когда выросла?
Я весной взошла, лѣтомъ выросла,
По зарямъ я цвѣла, днемъ осышалась.
Я сидѣла млада долго съ вечера,
Зажигала свѣчу воску ярова,
Дожидала дружка разудалова!
«Ты приди, приди, мой милый другъ!
Постучи, постучи у окошечка!»
Не дождавшись дружка, спать ложилася.
Какъ пришолъ-то милый ни во времени,
На бѣлой зарѣ, на утренней;
Какъ стучить-то, гремитъ у окошечка:
«Ты *устань*, ты проснись, моя бабочка!
Я не воръ пришелъ, не разбойничекъ,
Я твой пришелъ полюбовничекъ;
Я не въ гости пришелъ, не гоститися,
Я пришелъ и къ тебѣ по проститися;
Ты позволь, ты позволь оженитися!»
«Ты женись, ты возьми, дочь купеческую....
Ты возьми, ты возьми, вострой ножичекъ,
Ты разрѣжь мои груди бѣлыя,
Посмотри, у меня, что подъ сердцемъ есть».

20.

На дубочку два голубя сидѣли;
 Они пили, ѣли, врозь полетѣли;
 Полетѣли они въ чистое поле,
 Садилась они на бѣлую березу;
 Они сами промежъ собой воркували,
 Воркували они, рѣчи говорили:
 «Ой, тошно тому, кто не милъ кому,
 А тошнѣе тому, кто любитъ кого,
 Онъ не пуститъ съ подъ сѣдла добра коня,
 Изъ стремянушки ножки не вынаетъ,
 Онъ близехунько къ окну подѣзжаетъ,
 Онъ тихохонько рѣчи продолжаетъ:
 «Чи спишь, мой другъ, — то Господь съ тобой,
 А не спишь, мой другъ, говори сонной!»
 Рада-бы, мой другъ, говорить съ тобой,
 Да не милый мужъ на рукѣ лежитъ.
 «Отвернись, мой другъ, отъ нелюбаго:
 Я нелюбаго убью, какъ голубя».
 «Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ съ нелюбымъ весь вѣкъ проживать,
 А съ тобой, мой другъ, одну ночь ночевать,
 И ту-то всю во *страсти* пролежать.

21.

Какъ злодѣюшка, ты люта я змѣя!
 Какъ по водѣ ты плывешь, извиваешься
 По травѣ ползешь — листь траву сушишь,
 Изъ норы ты глядишь, — укусить *хотишь*.

Перелѣстница, раздушаночка, красная дѣвица!
 Перелестила она добраго молодца,
 Перелестемши она, красная дѣвица, къ себѣ на пирь
 звала.
 Какъ и мнѣ-то доброму молодцу идти то не хотѣлося:
 На пирь-то пойдти — мнѣ живому не быть,
 А на пирь не пдти, красную дѣвицу разгнѣвать.
 Убирается добрый молодецъ на веселый пирь,
 Скидаетъ съ себя платье цвѣтное,
 Надѣваетъ на себя платье черное,
 Идетъ-то добрый молодецъ на веселый пирь,
 И беретъ-то онъ гусли звонкія,
 И идетъ-то добрый молодецъ къ новому терему,
 И восходитъ онъ добрый молодецъ на *высокій на*
крылецъ.
 Выходитъ къ нему раздушаночка красная дѣвица,
 Беретъ-то его, добраго молодца, за правую руку,
 И ведетъ его во *высокій теремъ*,
 Сажаетъ его за дубовый столъ,
 Наливаетъ ему чару зелена вина;
 У рюмочки по краюшкамъ огонь горитъ,
 А на донушкѣ люта змѣя лежитъ.

Какъ ходила красна дѣвица во зеленый боръ,
 Въ зеленомъ бору рыла злые кореньица.
 Какъ я мыла-то, мыла злые кореньица во Сулѣ рѣкѣ,
 Сушила я, сушила, красная дѣвица, на крутой горѣ,
 Толкла я злые кореньица въ ступочки,
 Сѣяла я злые кореньица на ситочки,
 Сыпала я злые кореньица во зелено вино;

Зазывала я доброва молодца къ себѣ въ гости,
Подносила я доброму молодцу зелена вина,
Какъ съ вечеру у доброва молодца голова больно болить,
Къ полуночи добрый молодецъ переставился.

22.

Какъ я нынече, добрый молодецъ, всю ночь не спалъ,
Какъ ходилъ я, гулялъ вдоль по улицѣ.
Какъ приходилъ я, добрый молодецъ, къ новому терему,
Да восходилъ я, добрый молодецъ, на *высокій кры-*
лецъ,

Какъ глядѣлъ я, смотрѣлъ во окошечко.
Какъ стукаль-то я, стукаль своимъ золотымъ коль-
цомъ объ окошечко:

«Ты спишь, моя болѣзная, или такъ лежишь!
«Я спать-то не сплю, больше такъ лежу,
Какъ и тебя-то, добраго молодца, на умѣ держу!
«Какъ врешь-ты, врешь, красная дѣвочка, врешь об-
лыгаешься:

Да и кто у тебя, моя разболѣзная, кто за столомъ сидѣлъ?
«Были у меня, красной дѣвушки,
Два гостя да любимыя, два братца родимыя!
«Какъ врешь ты, врешь, красная дѣвушка, врешь
облыгаешься:

Были у тебя два гостя два любимыя
Два дружка любезныя.

23.

Много свѣта попросвѣтило,—много думъ передумала,
Какъ одна-то мнѣ думушка съ ума нейдетъ,

Съ великаго да съ крѣпкаго разума.
Обѣщался мой миленькій меня по вѣкъ любить,
А теперь милый мой не *хочитъ* меня любить;
Какъ взводитъ свою руку правую,
Онъ бьетъ меня, дѣвочку, въ щеку лѣвую;
Разбилъ онъ мнѣ, дѣвочкѣ, лицо бѣлое,
Выбилъ онъ мнѣ, дѣвочкѣ, серьгу позлащеную,
Обкровавилъ мнѣ, дѣвочкѣ, платье цвѣтное,
Какъ-же я пойду къ своему отцу матери,
Какъ-же скажу своему отцу, матери.

24.

Черезъ рѣчушку, черезъ быструю
Тонка жордочка лежитъ;
По этой жордочкѣ, по этой тоненькой,
Милъ сердечный другъ ишолъ.
Обломилась жердочка, обломилась тонкая,
Мой миленькій потонулъ.

Пришла Аннушка, пришла лапушка,
Къ быстрой рѣчушкѣ;
Стала Аннушка, стала лапушка
Быструю рѣчушку проклинять:
«Чтобъ тебя, рѣчушка, чтотъ тебя, быстрая,
Хрящемъ, пескомъ заволокло»

Стала Аннушка, стала лапушка
У быстрой рѣчки сирашивати:
«Каково тебѣ, рѣчушка, каково тебѣ, быстрая,
Подъ желтымъ пескомъ лежать?
Таково-то Аннушкѣ, таково-то лапушкѣ,
Безъ милаго друга жить.

25.

На усть-матушкѣ на бѣлой Калитвѣ,
 У славнаго у Бурьяна казака,
 У него было, два сына сокола:
 Какъ и первый сынъ—Василій господинъ,
 А другой-то сынъ—Захаръ господинъ.
 Захаръ въ поле убирается,
 На ходу онъ, Захаръ, пулечку жуётъ,
 На ходу онъ во винтовочку кладетъ;
 Захарушка на охотушку ходилъ,
 Онъ на охотушкѣ по утушкамъ стрѣлялъ,
 Да онъ утушекъ-то бить не бивальъ,
 Онъ зайшекъ и въ глаза не видалъ:
 Онъ повадился ко дѣвушкамъ ходить,
 Онъ повадился дѣвченокъ любить.
 Какъ жила была *удовушка* одна,
 У вдовушкѣ да двѣ дочушки было,
 Да двѣ дочушки уродились хороши:
 Одна дочка была Ганюшка,
 А другая дочка — Фенюшка;
 «Скажи, Феня, вѣрно любишь-ли меня?
 А не любишь, — я другую полюблю,
 Тебя-жь, Феня, я на вѣкъ загублю».

26.

Веселая бесѣдушка, гдѣ батюшка пьетъ,
 Онъ пьетъ-не пьетъ, родимой мой, за мной посла
 шлетъ.
 А я млада младешенька замѣшкала

За курами, за гусями, за лебедями,
 За славною, за птичкою, за мурашкою.
 Ходить журавль по бережку, похаживаетъ,
 Онъ травушку—муравушку пощипливаетъ,
 Холодною водицею захлебываетъ,
 За рѣченьку, за быструю посматриваетъ.
 За рѣчку, за быструю четыре двора,
 По тѣхъ дворахъ четыре кумы.
 Вы, кумушки, голубушки, подружки мои,
 Румитесь, любитесь, любите меня!
 Какъ пойдете въ зеленый садъ, возьмите меня,
 Какъ нарвѣте вы пѣточковъ, нарвите и мнѣ,
 Какъ совѣте по вѣночку, совѣйте и мнѣ,
 Какъ бросите въ Дунай рѣчку, вы бросьте и мой!
 Да всѣ вѣнки по-сверхъ воды, а мой потонулъ;
 Всѣхъ мужья домой пришли, а мой не пришелъ.

27.

На улицѣ дождь идетъ,
 Не силенъ, не дробень:
 Онъ ситичкомъ сѣетъ,
 Ведромъ поливаетъ,
 А братецъ сестрицу
 На ручкахъ качаетъ,
 Ишо величаетъ:
 Сестрица родная,
 Росту поскорѣе,
 Да будь по умнѣ!
 Отдамъ тебя за мужъ

Въ согласную семью;
Идѣ не поѣду,
Все къ сестрѣ заѣду.
«Здорово, сестрица,
Здорово, родная!»
«Родимой мой братецъ,
Я не здоровая!
Дубовыя двери
Всю ночь прорыпѣли;
Шелковыя плетки
Всю ночь просвистѣли.
Меня батенька, билъ, билъ!
Меня родненькій билъ,—билъ!
А всё черезъ заловокъ,
А всё черезъ колотовокъ:
Они кутятъ, мутятъ:
До свекра доносятъ».

28.

Вы, бѣлилицы, румяницы мои.
Сыкатились со бѣла лица долой,
Какъ пріѣдетъ мой ревнивый мужъ домой,
Привезетъ мнѣ подарокъ дорогой:
Шелкову плетъ, тавалжаный плетничекъ,
Будетъ бить, журить меня ли молодую.
Только винушки, провинушки моей:
У сосѣда пиръ бесѣдушка была,
Я нечаянно къ сосѣду ушла,
Холостому стаканъ меду поднесла,
Холостой стаканъ меду припималъ,

Ко стакану бѣлы руки прижималъ,
При людяхъ меня сестрой называлъ,
А послѣ того душечкою:
«Ахъ ты душечка, красавица моя!
Мнѣ понравилась походухка твоя,
Походухка твоя частехонькая,
Разговоры твои ласковыя».

29.

Какъ и братъ къ сестрѣ
Пріѣзжалъ въ гости;
Онъ—и день гостилъ,
И другой гостилъ;
Онъ на третій день
Убираться сталъ,
Сталъ коня сѣдлать,
Со двора съѣзжать.
Какъ сестра брата
Провожать пошла,
Черезъ три поля,
Черезъ чистыя,
На четвертомъ полѣ становилася,
Становилася, распростилася;
Какъ сестра брату
Стала жалиться,
Слезно плакаться:
Какъ меня вечеръ,
Меня мужъ побилъ,
Онъ не столько билъ,
Сколько выбранилъ.

Какъ и братъ сестрѣ
 Сталъ разсказывать:
 Да и гдѣ-жь, сестра,
 Мужья женѣ не бьютъ;
 Я и самъ сестра,
 Самъ жену побилъ
 И не больно билъ
 Да все выпугаль.

30.

Приключилася мнѣ кручинушка,
 Самъ незнаю отчего...
 Приключилась-то мнѣ кручинушка,
 Отъ зазубочки дѣвочки-души:
 «Ты зазноба, жаль моя, зазубушка,
 Красная дѣвочка душа!
 По тебѣ-то, жаль моя, зазубушка,
 Я сердечушкомъ больно болю;
 Я больно-то болю, мальчишечка,
 Во постелюшкѣ болень лежу:
 Я лежу-то лежу мальчишечка,
 Самъ въ окошечко съ горя гляжу:
 Какъ у насъ-то на подворьцѣ
 Бѣлая порошица выпадала,
 Не одна-то она, бѣлая порошица, — съ пересыпочкой:
 «Ты нейди, нейди, бѣлая порошица,
 На вечерней поздней зарѣ!
 Ты пойди, понеси, бѣлая порошица,
 На утренней ранней зарѣ; —
 Занеси-то, замети всѣ стежечки, — слѣдочки мои,

По которымъ-то я, по слѣдочкамъ,
 Ко сударушкѣ въ гости хаживаль,
 Я ходиль-то, ходиль, добрый молодець, скорымъ
 зайчикомъ:

По приступочкамъ-то я шелъ горностаичикомъ;
 По новымъ-то сѣнямъ я шелъ добрымъ молодцомъ;
 Ко кроватишкѣ-то я подходилъ милымъ дружкомъ.

31.

Какъ свекровь—матушка невѣстку журить, бранить:
 «Отчего ты, сноха, ходишь невеселая,
 Невеселая ходишь, неубраная?» —
 — «Какъ-же бы мнѣ, бабочкѣ, веселой быть, хорошо
 ходишь?»

Какъ слыхала-то я, бабочка; вести нехорошія:
 Всѣ полки съ моря домой идутъ,
 Какъ мово-то друга милаго коня ведутъ,
 Конечка-то ведутъ его буланого.
 Всего коника преубраннаго.
 На конѣ-то лежитъ сѣдельцо черкеское,
 На сѣдличкѣ лежитъ подушка козловая,
 Въ той подушкѣ лежитъ рубашечка бѣлая,
 Не чистымъ—чисто она вымыта,
 Да въ крови-то она вся смазана.
 Умираль-то, молодець; самъ друзьямъ приказываль:
 «Какъ *лучитъ* Господь васъ на тихій Донъ —
 Молодой женѣ поклонъ,
 Скажите ей, чтобъ не мыла рубашечку въ рѣчной водѣ,
 Чтобъ *выбанила* ее горючей слезой,

Чтобъ не сушила на солнушкѣ,
Чтобъ высушила на своей груди».

32.

Деревня, деревня—четыре двора,
Четыре двора, изъ воротъ въ ворота;
Пятый дворъ — живетъ милый мой,
Далече живетъ, часты вѣсти подаетъ,
Вѣсти подаетъ, человѣчка шлетъ.
А я молода, игреливая была,
Прялочку взяла, на сидѣлочку пошла;
Прясти не пряла, всю ночь провела:
Прялочку подѣ лавочку, сама съ милымъ легла.
Куры запѣли, я ляжу, ляжу ляжу!
Другіе запѣли, не думала вставать;
Третьи запѣли, заря занялась,
Заря занялась, я домой убралась.
Пришла ко двору, старый ходитъ по двору:
«Гдѣ-же ты была, гдѣ погуливала?» —
— «Старый врагъ, тебѣ выслѣпило;
Я на печкѣ спала, я на войлочкѣ,
Къ стѣнкѣ лицомъ, къ тебѣ ребрушкомъ,
Ребрушкомъ перевертушкомъ.
А я молода все догадлива была,
Веровочку сама свила,
Старому на шею надѣла,
Милому конецъ въ окно подала:
«Милый потяни, душа радость потяни!»
Милый потянулъ, старый ноги протянулъ;

Руками мотаетъ, будто чешется,
Зубы оскалилъ, будто дражнится,
Слюни распустилъ, будто бѣсится.» —

33.

Какъ во саду, саду, зеленомъ садочку,
Ходила, гуляла красная дѣвица,
Щипала, ломала съ винограда листья,
Кидала, бросала во ракитовый кустикъ;
Въ этомъ кусточку соловьюшекъ свищетъ,
Поетъ, воспѣваетъ, дѣвокъ восхваляетъ:
Казаченьки други, Государевы слуги,
Въ походъ убирались, съ дѣвками прощались:
«Прощайте вы, дѣвочки, прощайте, болѣзочки!
Мы васъ не забудемъ, гулять съ вами будемъ».
«Идежъ тому статья, чтобъ съ нами видаться,
Идежъ тому сбыться, назадъ воротиться.
Какъ ноньча куры поютъ кочетами,
Теперича жены старше надъ мужьями:
Сѣжуть ботожьями, своими боками.

34.

Ужъ я пашеньку пахала,
Ужъ я прошлою весной,
Ужъ я сѣяла лень,
Приговаривала:
«Уродися, мой ленокъ,
Тонокъ, бѣлый, невысокъ!
Какъ сказали про мой лень,

Притолочень, привалень.
Ухвачу я чекменишку,
Побѣгу я на ленишку!
На леночекъ я бѣжала
Животъ — сердцемъ я дрожала,
На леночекъ я пришла,
Съ ума разума сошла:
«Знаю, знаю, чья наруга —
Моего прежняго друга!
Знаю, знаю чья насмѣшка,
Моего милаго потѣшка!
Ужъ я ему отсмѣю
Пшениченьку привало.
Ужъ какъ будетъ онъ косить,
А самъ будетъ голосить.»

35.

Охъ, ты Дуня, Дуняша,
Зародилась — несчастна;
Я незнаю, какъ-же быть,
Какъ на свѣтѣ тебѣ жить!
Отецъ Дуню больно билъ,
Ума разуму училъ,
Да не выучилъ,
Только вымучилъ.
Будь ты шельма не моя!
Сошлю тебя со двора,
«Найду тебѣ жениха,
Я стараго старика —
Девяносто лѣтъ!»

«Свѣта бѣлаго отстану,
Любить стараго не стану;
Пойду утоплюсь,
Либо удавлюсь.
Я такой грѣхъ сотворю,
Что стараго уморю,
Одна буду жить,
Молодыхъ любить;
Пушай люди говорить,
Что Дуня любить ребятъ;
Не слушаю людскихъ словъ,
Пошлю къ милому пословъ,
Чтобъ милый пришелъ,
Въ гости побывалъ.
Пришелъ милый въ вечеру
Къ огороду моему,
Головой кочнулъ,
А рукой махнулъ.
Увидѣла я милова,
Во зеленый садъ пошла.»

36.

По зарѣ млада входила,
Зари млада невидала,
Все за милымъ замѣчала,
Гдѣ мой миленькій гуляетъ,
Сы дѣвками въ карагодъ,
И съ бабами молодыми,
Съ ребятами холостыми.

Какъ пойду я, молоденька,
 Своего мужа загоняти,
 Красныхъ дѣвушекъ ругати.
 Влодила млада въ хату,
 Начала мужа ругати,
 А дѣвокъ стыдити.
 Какъ схвачу, млада лопату,
 Загоноу я мужа въ хату;
 Била мужа, волочила,
 Въ помойницу намочила;
 Изъ помойницы *вытягала*,
 Плетью боки *постебала*.

37.

Ты здорово, кумушка,
 Здорово, голубушка!
 Я не дюжа здорова,
 Болить моя голова;
 Что болить, да болить,
 Я незнаю, какъ и быть, —
 Чѣмъ головушку лечить. —
 Пойд-уже я по лужку,
 Сорву травы горошку,
 Попарю галовушку.
 Я парила, парила,
 И парь ее не беретъ, —
 Богъ здаровья не даетъ.
 У своего мужа я,
 Да хорошая жена;
 — Своего мужа дурака

Семь разъ на день обману:
 Сырыхъ дровъ нарублю,
 Хату баню затоплю;
 Затопила, закурила
 Сама поводу пошла.
 Прихожу я ко рѣкѣ —
 Гуси лебеди сидятъ,
 Съ пододна воду мутятъ;
 Постояла молода,
 Устоялася вода;
 Возмахнула широко,
 Почерпнула глубоко,
 Я на плечики взяла,
 Закачалася, пошла,
 Противъ милова двора
 Вся прикатана гора;
 Прикатана прилита,
 Башмаками прибита.
 Разсукинъ — сынъ башмачекъ, —
 Подломился каблучекъ,
 А я млада на бочекъ.
 Я упала, да ляжу,
 На всѣ стороны гляжу;
 Туда глядь,
 Сюда глядь,
 Меня некому поднять.
 Оглянулася назадъ —
 Назади стоитъ казакъ;
 Я не знаю какъ назвать;
 Осмѣлилась молода, —
 Ванюшею назвала:

И Ванюшенька душа,
Подыми милый меня!
Я бы радъ тебя поднять,
Съ стороны люди глядятъ;
Не чужіе все свои,
Все товарищи моя.

38.

Чужіе мужья добры —
Покупили женамъ черные бобры
А мой дуракъ, купилъ мнѣ коровушку, —
Погубилъ мою головушку.
«Коровушку да подой, да подой,
Даёночку да помой, да помой!
Въ понедѣльникъ коровушку искала,
Во вторникъ коровушку пригнала,
Въ среду коровушку доила,
Въ четвергъ молоко цыдила,
Въ пятницу доёночку помыла,
Во субботу коровушку прогнала.
Надѣну черевички на босу,
Погоню коровушку по пасу;
Погоню коровушку,
Во зелену дубровушку.
Я гнала приговаривала:
«Медведушка, мой батюшка,
Задери мою коровушку, —
Свободи мою головушку!
Какъ послушаю, что во лѣсѣ реветъ,
Знать медведушка коровушку деретъ.

Я послушаю, что во лѣсѣ трещить,
Знать медведушка коровушку тащить.
Спасибо медведушка, батюшка,
Что задралъ мою коровушку,
Свободилъ мою головушку,
Теперь-то мнѣ попить-погулять.
Когда нечего на базѣ загонять.

39.

Какъ вечеръ млада
Во пиру была,
Во бесѣдушкѣ;
Я не медъ пила,
Я не пивушко,
Я пила млада,
Сладкую водочку;
Я не чарочкой,
Не черпалочкой,
Я пила млада
Изъ полуведра;
Ко двору я шла,
Не шаталася,
Къ воротамъ пришла.
Пшатнулася,
За вереушку ухватилася:
«Верея моя, ты вереюшка,
Верея моя, ты дубовая!
Поддержи меня бабу пьяную,
Бабу пьяную, все похмѣльную.

К О Н Е Ц Ъ .

О Г Л А В Л Е Н І Е .

Стран.

Предисловіе 3

Введеніе.

I.	Пѣсни историческія	5
II.	Пѣсни семейныя	41
III.	Донская свадьба	65

48

А. Пѣсни историческія.

1.	О Ермакѣ (три варьанта)	73
2.	О Сенькѣ Маноцковѣ	80
3.	О Сенькѣ Разинѣ	—
4.	О немъ-же	81
5.	О воровскихъ казакахъ	84
6.	О нихъ-же	85
7.	О казни Сеньки Разина	86
8.	Объ убійствѣ Царскаго посла Карамышева	87
9.	О немъ-же	88
10.	Объ атаманѣ Фроловѣ	—
11.	О Некрасовѣ	89
12.	О немъ-же	91
13.	Объ Азовскомъ походѣ Петра Великаго	92
14.	Объ атаманѣ Флорѣ Манаевичѣ	—
15.	Объ Иванѣ Матвѣевичѣ Краснощекѣ	94
16.	О немъ-же	95
17.	О Царскомъ бояринѣ Шереметьевѣ	96
18.	О графѣ Захарѣ Григорьевичѣ Чернышевѣ	—
19.	О виновникахъ: Есауловѣ, Стародубовѣ и Гурьяновѣ	98
20.	О генералѣ Каменцовѣ	—
21.	О Закубанскихъ Узденяхъ	99
22.	О Костюшкѣ	—

	Стран.
23. О Наполеонѣ	100
24. О 12-мъ годѣ	101
25. О смерти Александра Благословеннаго	102
26. О Персидскомъ походѣ Гр. Гудовича	103
27. Объ Агуреевѣ	104
28. О Черкескомъ князѣ Богоматовѣ	105
29. О графѣ Каменскомъ (Турецк. походъ)	—
30. О Тацынѣ (полкѣ)	106
31. О Прусскомъ королѣ	107
32. О Шведскомъ походѣ	—
33. О Саксонѣ королѣ	108
34. Объ атаманѣ Степанѣ Ефремовѣ	109
35. Объ атаманѣ графѣ Платовѣ	110

Б. Пѣсни удалыя и военныя.

1. Еще что-же вы братцы, призадумались?	112
2. Что пониже было города Саратова	113
3. Покрай моря сивяго, на усть батюшки Дона тихаго	114
4. Какъ леталь-то сизой орелъ по крутымъ горамъ	—
5. Какъ-ты, батюшка, славный тихій Донъ	115
6. Ахъ ты, батюшка, воеводушка	116
7. Ни травушка, ковылушка къ землѣ клонится	—
8. Пишетъ Потемкинъ князь къ Исаеву	117
9. О казакѣ Горемыкинѣ	118
10. И сказали люди про нашего сиротинушку	119
11. Находила туча темная	—
12. О ворѣ Засоринѣ	120
13. О полковничкѣ Араканцовѣ	—
14. Какъ за рѣчюшкою, за Кубанушкою	121
15. Не сизы орлы къ ясну соколу солетались	122
16. Воздалече-то было, во чистомъ полѣ	—
17. Ты поле мое, поле чистое	123
18. На горѣ, горѣ, полугорѣ	124
19. Ой, ты корчма польская, королевская	125

	Стран.
20. У колодца, у холоднаго добрый молодець коня поилъ	126
21. О Грузинской сторонкѣ	—
22. О родныхъ братцахъ	127
23. О Донскомъ казакѣ неволничкѣ	—
24. Во лугу то было, во лужочкѣ	128
25. Не фузеюшка въ полѣ прогрянула	129
26. Съ тихаго Дона полки казацкіе во походъ идутъ	130
27. Не дала ты, заря, молодцу приуправиться, изъ полона бѣжать	—
28. Какъ во полѣ шляхъ, дороженька пролегала	131
29. Наѣзжали на добраго молодца три татарина	132
30. Напиши намъ, атаманушка, съ Дону смѣнушку	—
31. Объ Иванѣ Матвѣевичѣ Краснощековѣ	133
32. Отчего вы казаченки и худы, и блѣдны	—
33. Да полно-жь тебѣ, добрый молодець, на чужой сторонущкѣ пить, гулять	134
34. Мурзы горскіе въ полѣ соѣзжались	135
35. А кто-бы то до зналъ, когда бѣлый свѣтъ насталь	136
36. Полно вамъ, снѣжочки, на талой землѣ лежать	138
37. Какъ за рѣчюшкою было, за славнымъ Дунаемъ	—
38. Какъ затѣми, было, за Бештовыми, крутыми горами	139
39. Ни отъ тучи, ни отъ грома, ни отъ солнушка	140

В. Пѣсни семейныя.

1. Какъ со славной, со восточной со сторонущки	141
2. Не травушка, ни ковылушка во полѣ шаталася	142
3. Не туманъ-то съ поля подымается	143
4. Ахъ вы, братцы, мои братцы, атаманы молодцы	144
5. Какъ наѣхали на красну дѣвушку три татарина	—
6. Молодецъ красну дѣвицу уговариваетъ	145
7. Ты запой соловей весной, на протолинкѣ	146
8. Поѣхалъ нашъ Королевичъ на разгуляньеце	—
9. Во теремѣ, во високомъ, мать по сыну слезно плачетъ	147

	Стран.
10. Какъ я былъ то молодецъ, былъ малехунокъ.	148
11. На крыльцѣ-то сидитъ православный Царь.	149
12. Всю ночь не спалъ, все ходилъ, да гулялъ.	150
13. Горѣла, горѣла воску яраго свѣча.	151
14. Вотъ мила-то мнѣ, эта дороженька.	152
15. Какъ мужъ то жену журилъ, бранилъ и убить грозилъ	—
16. Я не воръ то былъ, не разбойничикъ	153
17. Всѣ полки домой идутъ	154
18. Кабъ бы знала я молода, вѣдала.	—
19. Да ты грушица, ты зеленая.	155
20. На дубочку два голубя сидѣли.	156
21. Какъ злодѣюшка ты, лютая змѣя.	—
22. Приходилъ я, добрый молодецъ, къ нову терему.	158
23. Много свѣта попросвѣтило, много думъ передумала.	—
24. Черезъ рѣчущку, черезъ быструю.	159
25. На усть матушкѣ, на бѣлой Калитвѣ.	160
26. Веселая бесѣдушка, гдѣ батюшка пьетъ	—
27. На улицѣ дождь идетъ.	161
28. Вы бѣлилицы, румяницы мои	162
29. Какъ и братъ къ сестрѣ прѣзжалъ въ гости.	163
30. Приключилася мнѣ кручинушка, самъ не знаю отчего.	164
31. Какъ свекровь, матушка, невѣстущку, журишь бранить	165
32. Деревня, деревня, четыре двора	166
33. Какъ во саду, зеленомъ садочку	167
34. Ужъ я пашеньку пахала	—
35. Охъ, ты Дуня, Дуняша.	168
36. По зарѣ млада ходила.	169
37. Ты здорово, кумушка	170
38. Чужіе мужья добры.	172
39. Какъ вечеръ млада.	173

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка	Напечатано	Слѣдуетъ.
7	9	голошвейницы	голошейницы
12	18	воединый	во единый
15	20	Есаулышкою	есаулышкою
32	10	непріятель	не непріятель
33	23	коной	коней
34	22	порядкѣ	порядку
37	17	поморила	поморили
46	3	лѣтъ въ 25	лѣтъ 25
47	4	разстованіе	розставаніе
47	20	риѳемеванныя	риѳемованныя
49	1	она	одна
52	18	просвитаалась	просваталась
57	25	Брана	барана
57	27	поаѣяла	посѣяла
60	13	болаганчикъ	балаганчикъ
61	12	умолчиваетъ	умалчиваетъ
77	17	Ермакъ	Ермилъ
83	9	послалъ	посланъ
90	4	совечера	со вечера
93	22	поре	море
63	28	Словечко	словечко
96	6	за мужъ	замужъ
98	6	на точу	наточу
99	25	Кругымъ	крутымъ
100	17	зомелюшкѣ	земелюшкѣ
100	18	проввился	проявился
102	8	восдрья	вострыя
102	11	Бонопартскія	Бонапартскія

Стр.	Строка	Напечатано	Слѣдуетъ.
102	22	бѣлаи	бѣлая
103	18	нанихъ	на нихъ
112	17	по волжскіе	поволжскіе
114	14	Черкесочкѣ	черкесочкѣ
119	6	пронашего	про нашего
119	14	лучшебъ	лучше-бъ
128	10	свѣтъ	свѣтѣ
134	11	казакии	казакии
134	12	по горѣли	погорѣли
135	11	Но	По
137	9	Набокъ	На бокъ
140	5	деточки	дѣточки
140	17	во кругъ	вокругъ
144	16	Вы	вы
160	13	невидалъ	не видалъ

56

57